

ДАРЬЯ ГУЩИНА

ХОЗЯЙКА
КРАСНОГО КЛАДБИЩА

ВКЛАДЫВАЯ ДУШУ

Дарья Гущина

Хозяйка Красного кладбища

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72941347

SelfPub; 2025

Аннотация

У старшего смотрителя кладбища всегда полно дел.

Обитатели Чудесных островов перенасыщаются силой и не могут по-настоящему умереть – душа остаётся привязанной к мёртвому телу. Иногда на годы, а иногда на столетия. И поди-ка, убеди их захорониться. Отходной стол сделай и склеп сотвори. В сон, забирающий излишки силы, уложи. Да смотри, чтобы не просыпались и не сбегали. А ещё Управа бумагами заваливает. Осень засыпает листвой по маковку. Кто-то порчу на кладбище насылает. И древние староспящие норовят пробудиться.

Но не это самое страшное. А то, что на Красном кладбище почему-то никто не хочет работать. А тех, кого оно притягивает, кто-то убивает. Кто? Зачем? И что неизвестному нужно на моём кладбище?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	49
Глава 4	73
Глава 5	93
Глава 6	117
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Дарья Гущина Хозяйка Красного кладбища

Пролог

...Он спал уже не один десяток лет. Засыпал на отходном земляном столе, просыпался от толчков силы, видел сияющие алым – по-прежнему, как в самом начале ритуала, знаки, – снова засыпал, снова просыпался. Снова, снова, снова... Цеплялся за осколки памяти – имя, лица родных, работа, сила – и вспоминал себя. Удерживался от падения в бездну. Уговаривал себя потерпеть ещё чуть-чуть – вот завтра, вот послезавтра, он наверняка умрёт. Отчалит в долгожданное Небытие.

Верить – удивительным образом получалось. Умереть – тоже удивительным образом пока нет. Когда же сила-то в нём наконец кончится?.. Он же нарочно последние лет двадцать жил на материке, подальше от питающих силой островов, и очень – очень! – много работал...

Когда из-за резкой вспышки силы, случившейся сотни лет назад, Северный материк раскололся на четыре крупных части, вокруг них возникло то, что после люди называли Чудес-

ными островами. Вокруг каждой новой земли – несколько цепочек островов, полных силы. Мощной. Чудесной. На материках люди остались без неё – почти, а вот на островах купались в силе. Пили её, как воду. И пропитывались так, что после смерти не могли умереть. Сила не отпускала. Привязывала душу к мёртвому телу. Держала. Мучила.

Умирать тем, кто много работал с силой, получалось лишь на Сонных островах – и то не сразу. Десятки – или уже сотни? – лет прошли, а знаки всё вытягивали из него остаточную силу, вытягивали, вытягивали... И по-прежнему были яркими, тёплыми. Как всегда, когда усердно работали. Как всегда, когда им предстояло выпить очень много силы.

Он сел и огляделся. Тёмный склеп, мерцающий красными знаками круглый отходной стол, багряные факелы и нити корней на стенах. А его зовут... А как его зовут? Это обязательно надо вспомнить. Нельзя забывать. Нельзя превращаться в безумное чудовище без памяти. Нельзя...

Вещен.

Да, так он звался живым. В деда пошёл – как в деда и называли: Вещен Сух. И всю жизнь он прожил и проработал на Ремесленных островах – в единственном месте, где создавали амулеты, которые работали на материках. Все чудеса островов принадлежали лишь им – увези на материк живую книгу с Грифельных островов или убивающую землю с Сонных, или камни силы с Горных, и на материке обнаружишь, что привёз просто книгу. Просто землю. Или просто камень.

Без чудес. А они, ремесленники, научились вшивать в амулеты капли силы. И люди, их принявшие, становились чудесниками. Которые творили чудеса небольшие, зато везде. Да, островные были сильнее, но могли творить лишь у себя дома, лишь питаясь от родной земли.

Нельзя это забывать, строго напомнил он себе, укладываясь на отходной стол. Историю. Себя. Родных – дедов, родителей, жену, дочь. И если ему опять не повезёт, то он, Вещен, хотя бы не проснётся чудовищем.

Хотя бы.

Глава 1

Тиха кладбищенская ночь, но посох может пригодиться...

Я набросила на плечи длинную тёмную куртку, собрала волосы в куций хвостик и взялась за родовой посох – древний-древний, созданный из праха предков-смотрителей и ужасающе уродливый: длинный, толстый, красно-серый, пористый, напоминающий свечной огарок. И столь же, правда, ужасающе сильный. Я до сих пор изучала все скрытые в нём чудеса и очень надеялась, что мне они не пригодятся. И вообще обо всех я никогда не узнаю.

На крыльце я нарочно громко и предупреждающе хлопнула дверью – и сразу же услышала ответные суматошные хлопки. Конечно, как же с соседями по склепам языки-то не почесать на сон грядущий... Плохо им, моим отходящим подопечным, при мне спится. Дед-то посильнее был – на годы даже самых беспокойных и шепутных укладывал. Мне пока ни опыта не достаёт, ни силы: в лучшем случае на месяц спокойные засыпают. А беспокойных нет-нет да приходится посохом гонять. Дед, отходя в Небытие, наказал держать всех в кулаке – даже тех, кто в три-четыре раза меня старше. Ибо.

Старший смотритель на кладбище может быть только один. И он по должности старше всех, даже если ему, то есть ей (мне), слегка за тридцать.

На дереве вопросительно засвиристел Алояр, или, как мы его называли, ЯрЬ – мой неизменный помощник, мелкая красно-рыжая птичка со смешным хохолком и хвостом из длинных выющихся перьев.

– Давай, разгоняй последних, – кивнула я, закидывая на плечо посох. И с иронией добавила: – Не то, скажи, я приду.

ЯрЬ предсказуемо захихикал. Я – не дед, меня здесь не боялись. Но, хвала праху, делали вид, что уважали – должность. А может, всё-таки и меня немного.

Птица вспорхнула с ветки, засияла и увеличилась до размеров крупного хищника. Хлопнула мощными крыльями, предупредительно свистнула и рванула на облёт. А вот ЯрЯ и уважали, и побаивались. Дед говорил, это осколки душ наших предков – первых зрителей – остались в столь безобидном обличье. Помогать да приглядывать.

Я украдкой подтянула штаны, поправила тяжёлый посох и зорко осмотрела свои владения. От крыльца убегала старая каменная тропа, вдоль которой шумели на солёном морском ветру неряшливые багряные кусты. Шагов через двадцать тропа разветвлялась и ныряла под сень старых деревьев – к многочисленным склепам, похожим на половинки ракушек-жемчужниц. Видимая часть склепа – увитый плющом навес со скамейкой и дверью. Невидимая – подземные комнатки с отходными столами, связанные сетью древних коридоров.

– Что там, ЯрЬ? – негромко спросила я, услышав далёкий

свист помощника. – Все на месте? А наши беспокойники? Тоже? Все трое? Тогда иду обновлять сонные знаки. А ты покружи вдоль границ. Сам знаешь, ближе к ночи к нам любят сползаться беспризорные покойники.

Ярь пронзительно свистнул. Я спустилась по ступенькам и неспешно побрела к святилищу Небытия.

Пятое кладбище, иначе называемое Красным, зрелой осенью и на закате выглядело совсем уж неприлично красным. К красновато-серой земле и пористым багровым камням, которыми мостили тропы, добавлялись багряно-красно-рыже-жёлтые осенние листья, поздние пунцовые и тёмно-рыжие цветы, поблёкшая коричневая трава и вездесущий издевательски красный плющ. Вечером это великолепие дополняли низкое небо в багрово-рыжих облаках (или, как сейчас, полосах), красноватая туманная дымка и пятна закатного солнца.

Словно в крови всё, думалось мне порой. Хотя со времён Разлома, в котором винили людскую жадность и желание забрать из земли побольше силы, крови на этом кладбище не было уже лет пятнадцать. То есть с тех пор, как я выросла и перестала по нему носиться, разбивая нос о склепы и обдирая коленки с локтями о дорожки.

Мы, кстати, потомственные смотрители, тоже вписывались в обстановку родного острова: исстари, из поколения в поколение, дети в моей семье рождались с красными волосами – от багряного до тёмно-рыжего. Я пошла в прабабку

– красно-рыжая, с красными искрами в ореховых глазах и веснушчатая.

А прабабка доросла силой не только до зрителя – до целой хозяйки кладбища. Как объяснял дед, сначала ты младший – и едва поднимаешь родовой посох, потом средний – и уже можешь его с полдня потаскать, потом старший – и посох становится почти лёгким. А хозяин его веса вообще не ощущает. Я успела дорасти до среднего и получить соответствующий силе посох, когда дед внезапно решил отчалить в Небытие, передав мне как единственной наследнице родовой.

Врал дед про полдня. Нагло. Меня едва хватало на пару часов непрерывной работы. А к вечеру посох, эта жуткая тварь, после простейшей уборки становился совершенно неподъёмным. К сожалению. Осенью дел через край. А старым я пользоваться уже не могла – к зрителю можно привязать лишь один посох. И родовой без присмотра и подпитки оставлять нельзя. Но ему моей силы не хватало, и когда она кончалась, мы с посохом «расходились» отдыхать друг от друга: он – в угол коридора, я – работать с землёй, чтобы снова наполниться.

Хорошо, до святилища рукой подать – зрители всегда жили в центре острова и кладбища.

Под ногами шуршали палые листья. Тропа виляла вдоль деревьев – у покрытых багровым мхом корней уже закружилась вечерняя дымка. Вдали журчали фонтаны и глухо ше-

лестело море. В ветвях шебуршали, попискивая, мелкие пичуги. Между деревьями мелькали ракушки-склепы, и сразу над двумя я заметила искристый дымок. Отошли в Небытие подопечные. Надобно прах собрать, склепы почистить и опустить на глубину, дела закрыть, в Управу и родным написать...

Завтра. Сегодня – сонные знаки. Больно много дверей нынче хлопало.

Святилище – круглая, как отходной стол, поляна, испещрённая десятками знаков, и почти все сияли ярко, ало, свежо. И все искрили, направляя сонную силу земли в занятые склепы. А посреди поляны возвышался опутанный плющом огрызок древней стены – прах знает чего. Даже дед не понял. Остаток доразломной постройки, именуемый «гнездом», поднимался выше кладбищенской стены, и с него весь остров виден как на ладони. Поэтому его и сохранили.

Первым делом я забралась в «гнездо». Прочертила на земле длинную широкую полосу, шепча наговор «моста», и когда из полосы забил красный свет, шагнула в него, чтобы выйти уже наверху – на широком, бугристом и поросшем травой каменном карнизе. И, присев, придирчиво изучить знаки.

Ничего не понимаю...

– Ярь, ты скольких по склепам разогнал? – спросила я у посоха.

Далёкий свист сообщил: «Пятнадцать. И ещё с десятков

тихих упокойных точно не спит, но по своей привычке не высовывается».

– А знаки полны силы, – я нахмурилась. – Всего пять нужно пополнить, и то лишь на треть. Я как услышала, сколько народу разбегается, подумала, знаков десять точно погасло. А они все рабочие. И тот месяц, на который меня обычно хватает, ещё не кончился. Прошли седмицы две.

«Многовато неспящих, – согласился Ярь, и в закатном небе над тёмным морем мелькнула алая вспышка. – Но так бывает, когда несколько беспокойников не могут уснуть, а надо. В них слишком много силы, слишком много сопротивления смерти и сну. И на упокой одного, сама знаешь, силы уходит больше, чем на десяток обычных покойников. Если они очень хотят уснуть, то вбирают сонной силы больше нужного, отнимая её у других. И лишая их сна».

– Но тогда и знаки должны пустеть, – заметила я и выпрямилась.

«Должны», – признал Ярь.

– А вспышек силы на днях не случилось? – я задумчиво оперлась о посох.

Острова ею полнились. Сила могла в любой момент забить из-под земли фонтаном, застывая мелкими полезными огоньками, впитываясь в растения или предметы. И заодно уничтожая наши защитные и сонные наговоры.

«Я не почувствовал, – отозвался помощник. – Но проверю».

Я прежним путём спустилась вниз и попросила:

– А перечисли-ка мне неспящих. Загляну завтра в их склепы – может, были мелкие вспышки, без выброса на поверхность, и знаки на отходных столах стёрлись. Покойники-то на них жаловаться не будут – им в радость погулять и поболтать.

Ярь быстро перечислил и улыбочиво добавил:

«Со знаками быстрее кончай. Тут тебя дело ждёт».

– Какое? – насторожилась я. – А ну-ка покажи.

На навершии посоха засиял алый шар. Мигнул, стал прозрачным – и показал. На одном из мелких островков между моим Пятым и Шестым (Чёрным) кладбищем, на узкой и пологой его маковке, прыгал лохматый темноволосый парень и во всю глотку орал:

– Рдяна! Рдянка! Я здесь! Забери меня отсюда! Рдянка!

«Почитай, с полчаса верещит, – весело свистнул Ярь. – Спасём?»

– Рдянка! – надрывался парень.

Печально знакомый. За два с лишним года я сняла это стихийное бедствие, именуемое Саженом, со всех окрестных развален, деревьев и островков. Почти со всех. Их же тут, вокруг Западных островов, сотни. Одному определённого ищейцу есть где разгуляться.

Как ищейца Сажен мог, взяв след, пролезть куда угодно, даже в тайник зрителей Чёрного кладбища однажды просочился. А мы с Мстишкой, дочерью тамошнего старшего

смотрителя силда Дивнара, едва подросли на помощь и спасли Сажена от очень страшной смерти. Силд Дивнар имел полное право прикончить нарушителя на месте, и Мстишке даже пришлось врать, что они с ищейцем встречаются, и это ради неё он пролез в дом, да ошибся дверью. За что Саженом потом отдельно получил – по наглой морде своим букетом и посохом младшего смотрителя по хребту. Хотя нет, от посоха он увернулся, зараза.

– Конечно, – я снова вспорола посохом землю. – Не то докричится до того, что силд Дивнар его всё-таки покалечит. Прикончить ищейца на задании вроде бы нельзя, но вот покалечить... Или сам допрыгается. Знаки отменяются. Я быстро. Ты пока присмотри за ним.

И место-то какое выбрал – скала десять на десять шагов плюс древнее дерево... А дальше – короткое, но незабываемое падение со скалы. Прямо на Клыки. И вот после этого он уже сам ко мне приползёт – и точно беспокойником будет, с его-то непоседливой натурой и развитой ищейской силой. Нет, не надо мне такого счастья.

«Смотрю», – сообщил Ярь.

Так, я наверняка докричусь до Сажена с южной стены кладбища – там и метка моя есть... Пока вне кладбища я умела протягивать «мосты» с места на место лишь так – по своим меткам. Но я расту и учусь. И научусь. И когда-нибудь найду время доотметить неучтённое. На всякий случай. Но кто бы знал, куда этот неуёмный ещё полезет – и куда же тебя

завтра занесёт, ищейка ты... чрезмерная.

На кладбищенской стене, высокой и широкой, я первым делом застегнулась и накинула на голову капюшон – здесь солёный осенний ветер пробирал до костей. Но, к счастью, дул в нужном направлении. До Сажена – триста шагов. Тех самых, с Клыками – узкими острыми скалами, о которые зло бились, вскипая грязной пеной, тёмные волны.

– Саж! – рявкнула я.

Он обернулся и засиял неуместной улыбкой, замахал руками. Ярь мелькнул в небе короткой вспышкой и завис над Клыками – на всякий случай. Вдруг не справлюсь.

– Метку лови! – крикнула я. – И меня потом! Убьюсь о дерево или в море соскользну – прикопаю, понял?!

Сажен покладисто закивал. Естественно, быть прикопанным он не боялся, а вот застрять на скале, да ещё и без куртки, в одних штанах и рубаше, – наверняка. У ищейцев есть какой-то «возвратный путь», но не у всех на него хватало сил. А если и хватало, то только на него, а после их ожидало несколько скучнейших дней в лекарской.

Я пошевелила пальцами, вытягивая из трещин крупички земли. Слепила из них ком, прошептала наговор «из ладони в ладонь» и метнула к острову. Ярь проводил метку прищуренным взглядом и одобрительно свистнул, а Сажен подпрыгнул и ловко поймал ком. Огляделся и размазал метку по дереву.

– Готово!

Ну, с прахом...

Я провела потяжелевшим посохом по стене, шагнула на «мост» и спустя миг едва не встретилась с деревом. Крепкая рука вовремя ухватила меня за шиворот, удерживая от неприятного «знакомства». Ярь снова засвистел и, развернувшись, полетел на следующий круг. А я дёрнула плечом, сбрасывая руку Сажена, и проворчала:

– Клянусь, в следующий раз я сделаю вид, что тебя нет. И помогать тебе не надо.

– Не сделаешь, – весело отозвался Сажен. – Тебя потом совесть с потрохами сожрёт.

– А может, не меня, а саму себя? – с надеждой предположила я.

– Рискнёшь проверить? – ухмыльнулся он.

– Да ну тебя... – я отвернулась.

Вот бы посохом засранца приложить по-дедовски – до него не дойдёт, так я душу отведу... Да Саж, хоть и высокий и крупный (как и все урождённые материковые ребята), быстрый и ловкий – увернётся. И посох дико потяжелел – пора закругляться.

– Рдянка, я же всё отработаю, – задушевно пообещал Сажен. – Как обычно. Ну, не злись.

– У меня к вечеру двое прахом пошли, – я с трудом прочертила на земле линию. – И что-то со знаками святилища непонятное, и целых двадцать пять – представляешь? – внезапно пробудившихся. А я уже ничего не смогу сегодня сде-

лать – ни знаки обновить, ни праховых собрать. Повезёт, если хватит сил дотащить посох до дома. А ещё ночь впереди. Так что нет, я не злюсь. Просто занудствую, как обычно.

– Рдян, ну извини, – попросил он. – Ну получилось... так.

Синие глаза – виноватые-виноватые, как и вся его загорелая остроносая физиономия. Наверное, даже прощу. Если ночь пройдёт тихо.

– Хорошо хоть, не обещаешь, что больше не будешь, – заметила я устало. – За меня держись. Не на кладбище же – раскидать может.

– Я вообще никогда не даю напрасных обещаний, – Сажень снова взял меня за шиворот. – А то же выполнять придётся, а оно мне надо?

Мы вынырнули у северных ворот кладбища – кованых, мощных, массивных и давно закрытых. Я указала на увитую плющом калитку слева:

– Всё, Саж, дальше сам. Лесом до Злого моста – и напрямик на Старый остров и в Нижгород. Или тебе не в Управу надо?

– В Управу, – кивнул он. – Дело сдавать и отчёт писать. Я же по работе, а не просто тебя позлить. Рдян, ну извини!

– Завтра расскажешь, – хмуро ответила я. – На отработке. Не замёрзнешь?

– Кстати, да, – Сажень зашарил по многочисленным накладным карманам, нашитым и на рубаше, и на широких штанах. – Спасибо, что напомнила, – на мосту же ветра... И

за помощь спасибо, – добавил снова виновато.

– Перебор, – я поморщилась. – Одевайся и уматывай.

Он вытянул из кармана что-то похожее на носовой платок, потряс, пошептал, ругнулся, сердито тряхнул – и в его руках повис тёмно-серый ищейский плащ с высоким воротником, капюшоном и чёрными символьными нашивками.

– Завтра с утра я на защите своего подопечного, – предупредил Сажен, – который ещё час назад был обвиняемым, но теперь я его отмажу как невиновного. Как закончу – так и приду. Что с собой взять?

– Острое желание вымести всё кладбище – от тропинок и фонтанов до старых могил, – я, поднатужившись, забросила на плечо тяжеленный посох. – На совесть. Поздновато она у тебя просыпается, но лучше же поздно. И морковных пи-рогов.

И что такого он нашёл на этом островке, что аж от тюрьмы бедолагу спас?.. Нет там ничего особенного!

– Понял, – Сажен влез в рукава плаща, – до завтра, – и размытая серая тень туманом ускользнула с кладбища, даже калитка, открываясь-закрываясь, не скрипнула, даже листик плюща не шелохнулся.

Я удобнее перехватила посох и поплелась домой – час пыхтения, всего-то. Бывало и хуже. Однажды мои силы кончились сразу после первого «моста» на необитаемый островок. Ночью. Тогда от жестокой расправы Сажена спасли Ярь, лето и десятки интереснейших историй из ищейской жизни.

ни, которыми меня задабровили, пока помощник не привёл подмогу с соседнего Чёрного кладбища. Мстишка мне потом долго этот случай поминала – и назидательно, и насмешливо.

Да, в крайнем случае соседи, и с Четвёртого (Жёлтого) кладбища, и с Шестого, – мои дальние родичи и большие друзья. Выручат.

Пока я шла (ползла то есть) домой, стемнело, и кладбище загло свои чудесные красные огни. Засветился вездесущий плющ. Замерцала поднявшаяся до колен дымка. Загорелись факелы на склепах и скамейках вдоль широких главных троп. Замелькали подвижные огоньки силы в переплетении ветвей. Засиял закатным солнышком Яр. И сразу изменился запах – уже не солёная горечь осени, а свежая сырость летнего леса.

– Порядок? – я подняла голову.

Помощник довольно свистнул.

– Может, и обойдётся... – я снова выдохнула. Посох норвил уронить меня на тропу и придавить мешком картошки.

Яр сочувственно засвиристел. Помощник владел бездной наговоров, но почти все они касались родовой силы зрителя и работали через посох, утяжеляя его ещё больше. В общем-то, как и мои наговоры. Без посоха я умела унижительно мало, а без родной островной земли – вообще почти ничего. Вдали от кладбищ – меньше, на кладбищах – больше, а дома – всё. Пока посох не взбрыкивал, чуя не того зрителя. Что меня совершенно не устраивало.

Как и большинство зрителей, дед и сам с землёй плохо работал, и меня не учил – под его-то рукой всегда находился нужный, соответствующий силе посох. И дед прошёл нормальный путь – от помощника до старшего зрителя. Мне же его внезапный уход сломал всю подготовку. Скомкал весь путь. И с той же землёй я училась работать самостоятельно.

А родители от посоха дружно отказались. Они оба (причём мама с детства) терпеть не могли Красное и зрительскую работу, даже жили в Нижгороде. В отличие от меня. С семи лет я всё чаще ночевала у деда, пока не перебралась на кладбище навсегда. А родители, в один ужасный момент окончательно рассорившись с дедом, сдали посохи и спрятались от него в городе. Куда я часто навещалась, пока дед не ушёл. Мне стало вообще не до гостей, а родителям – не до меня, двое других детей подрастали.

Хотя совсем семья меня не бросала, нет. На кладбище они не появлялись, но часто писали, присылали одежду, обувь и прочие подарки. Откупались, в общем. Извинялись. Пять лет родителей не видела... и даже не знаю, хочу ли увидеть. Одно дело, когда дед был жив – они ругались с ним каждую минуту, он обоих строил и душил обязанностями, и их побег объясним. А теперь-то, когда его давным-давно нет, что мешает заглянуть в гости? Ко мне?

Ладно, и так вечер не шибко весёлый.

Ярь нежно засвиристел и невесомо опустил на моё свободное плечо. И сразу стало легче – и даже посох словно бы

полегчал.

– Ничего, – я улыбнулась. – Зато у нас прорыв – даже беспокойники спят месяц. Уже не надо за каждым бегать и каждого отдельно спать укладывать. И справочников по чудотворчеству – три комнаты плюс старая библиотека, и дневников предков – сорок шкафов и пятьдесят сундуков. А метки получаются всё лучше и ложатся всё точнее. С остальным тоже справимся.

Ярь одобрительно присвистнул и осторожно клюнул меня в щёку.

Впереди показался дом – громоздкое трёхэтажное строение с остроконечной крышей, от крыльца до вертуна оплетённое плющом и сияющее огромным светляком. Семьи зрителей всегда были большими, и дома строились соответствующие. Но в нашей семье что-то прошло не так, и я обитала в этой громадине одна. И очень дом не любила. Древний, сырой... пустой. Я старалась поддерживать в нём порядок, но чаще всего не успевала.

Ладно, чаще всего я это не любила. Хозяйка из меня... так себе. Что для дома, что для кладбища, что для собственной жизни.

Ярь недовольно свистнул.

– Это просто осень, друг, – я наконец-то добралась до крыльца и с трудом поднялась по ступенькам. – Она на всех людей так странно влияет. Ты вроде бы летишь, но сейчас кажется, что ввысь поднимаешься, а через минуту – что в про-

пасть камнем падаешь. И настроение поэтому тоже то ввысь, то в пропасть... Но мы с тобой всё-таки летим, и это главное. На остальное не обращай внимания.

Ярь сорвался с моего плеча, махнул крыльями, сверкнул, и тяжёлая дверь скрипуче распахнулась. Я перевалилась через порог и с удовольствием скинула посох в привычный угол. Выпрямилась, потёрла поясницу и выдохнула, ощущая, как от лёгкости за спиной трепещут невидимые крылья.

Ходики в прихожей заискрили красным и пробили девять вечера.

– Поднимай защиту и закрывай кладбище, – я передёрнула плечами и сняла куртку. – Всё на сегодня. Заварю чай, поработаем часик с землёй, да спать. С утра гора работы. К пробудившимся тоже загляни. Завтра надо с ними поговорить, но вдруг за ночь кто-нибудь успеет уснуть. Чудеса у нас случаются. Как бы не разбудить.

Ярь согласно свистнул и выпорхнул в мерцающую осеннюю предночь. Я убрала куртку в шкаф, разулась, вошла в тапки и отправилась по длинному коридору на кухню, оставив входную дверь приоткрытой. Некому в дом вламываться – чужакам сюда хода нет, старая семейная защита. Кому разрешу – тот войдёт, а разрешено только Ярю и друзьям-соседям. Остальные, если нужда в зрителе настигнет, обычно орут или у ворот, или под окнами. Хотя для них повсюду разбросаны громкозвучные колокольчики – всё равно орут.

Под потолком сновали десятки мелких огоньков силы. В

стенах коридора темнели высокие арочные проёмы – четыре штуки: кухня, столовая (раньше; теперь – кладовая), гостиная (раньше; теперь – библиотека и мой кабинет) и снова библиотека. И пятый проём напротив входной двери – ведущий в поперечный коридор с ещё десятью дверьми: слева и справа они закрывали лестницы в подвал и на второй этаж, а остальное – пять маленьких спален, кладовки и ванная. Я пользовалась лишь парой спален, ванной и изредка кладовками, а остальное было давно и наглухо закрыто.

И сурово пропылилось – по дверям видно. Убраться бы – весь первый этаж вычистить хотя бы... Уж паутину, грязь и пыль собрать, умея работать с землёй, много ума не надо. Только силы – главным образом силы воли. Которой у меня в избытке, когда надо посреди ночи соскочить с постели и отловить шумных беспокойников, но почему-то всегда не хватает на уборку.

Стыдно... но ладно. Гостей не вожу, а Мстишка привыкла.

На огромной кухне – все комнаты дома неприлично большие, с высокими потолками, – в двух угловых очагах, между шкафами и столами, шуршало красное чудотворное пламя. Ещё в двух углах, между подвесными шкафами, сундуками и бочками, шелестели фонтанчики с высокими чашами. Я подошла к ближнему, с тёплой водой, глянула на грудку немытой посуды и сполоснула руки. Снова посмотрела на посуду, взяла пробку и заткнула отверстие в чаше.

Хватит откладывать. Да, не позанимаюсь. Но завтра свободного времени может не быть вообще.

Когда Ярь вернулся с облёта, я уже перемыла всю посуду, переоделась в домашнее платье, в одном очаге варила мясо для супа, а во втором – кашу на утро. И убиралась на кухне – опершись на метлу, шептала наговор «земля к земле», и пыль с землёй выкатывались из-под шкафов снежком, сползали с потолка, стен, сундуков и даже с ножек столов, собирая попутную паутину, мелкую, мерцающую пунцовым плесенью и не успевших удрать букашек. Мне оставалось лишь смести крупные комки в совок.

«Мы всё-таки кого-то ждём?» – весело свистнул Ярь.

– Нет, у нас сегодня практика, – мрачно ответила я, опорожняя совок в мусорную бочку. – Повторение и закрепление пройденного.

Ярь издал свистящий смешок и вылетел в коридор. Убраться. Без меня он или не мог, или тоже не хотел возиться с хозяйством. И пока я проверяла готовность мяса и снимала с огня кашу, он успел вычистить коридор, прихожую и кладовую. И всю свистел в кабинете.

– С бумагами осторожнее! – крикнула я, доставая из сундука картошку. – Ничего не перемешай, там же дедовы дневники!

...которые он из-за вечной нехватки времени вёл как попало. Делал записи на обычных листах и складывал стопками в сундуки, не датируя и не нумеруя. Один шаловливый

сквозняк – и полдня лишней работы по восстановлению порядка обеспечено.

Ярь так разошёлся, что даже ванную от пунцовой плесени вычистил (конечно, через пару дней она опять выползет и расплодится, но всё равно приятно). И приволок на кухню ведро, швабру и пару тряпок – убирать, дескать, так убирать. Я ссыпала нарезанные овощи в суп, подвесила над огнём чайник, налила в ведро воду и хмуро взялась за швабру.

Нет, мы никого не ждём.

Слышишь, Красное? Никого!

Да, кладбище живое. В нём обитала душа – то ли сама по себе зародившаяся, то ли из душ прежних зрителей свитая. Ярь – точно свитый из осколков душ, как и посох из праха. А вот что такое душа Красного, даже дед не знал. И в хрониках наших предков тоже об этом не говорилось. Ни слова. Оно просто было живым. Так просто – и так сложно.

Закончив с готовкой и мытьём полов первого этажа, я сходила в ванную, натащила воды из тёплого фонтанчика и заодно (да, убирать – так убирать) перестирала с заклятьями и наговорами всё накопившееся добро. Помылась, переоделась, развесила постиранное в гостевой спальне, куда Ярь нагнал с улицы тёплых огоньков. И уже за полночь вышла с чашкой чая на крыльцо.

Случайные слова помощника не отпускали. «Мы – всё-таки – кого-то ждём?» – это же подсказка. Поставив чашку на нижнюю ступеньку, я села на колени, прижала ладони к

земле и прислушалась. И услышала – тихий, беспокойный гул. Почувствовала легчайшую дрожь земли. И слабое шевеление. Земля рябила как море – от порывов ветра или движения лодки.

Красное волновалось. Оно так же дрожало, когда уехали, сдав посохи, родители и ушёл дед – печалась, прощаясь. И так же дрожало, когда я взяла в руки свой первый посох – поздравляя меня с посвящением, знакомясь со мной заново как с будущим зрителем.

Кладбище кого-то ждало. Предчувствовало. Или призывало.

Я села на ступеньку и медленно выпила чай, прислушиваясь к сонной тишине. Зрителем или помощником мог стать любой, лишь бы Красное его приняло. Лишь бы с добрыми намерениями существо пришло, лишь бы действительно хотело работать – на кладбище. И именно на этом кладбище. И если я права... Вот бы понять, в ком Красное так нуждается...

А главное – зачем. Пять лет ему вполне хватало нас с Ярем. И не это ли ожидание пробудило от спячки сразу двадцать пять человек? Ладно, минус троица беспокойников – двадцать два. Из которых десять – это упокойники, которых крайне сложно разбудить.

Так зачем?

И что всё-таки разбудило моих подопечных – зов? Или нечто иное?

Глава 2

Привычку просыпаться с рассветом дед воспитывал во мне с пелёнок и, несмотря на мою любовь к прогулкам по ночному кладбищу, таки воспитал. Я проснулась в семь утра, сразу же скатилась с постели и побрела в ванную просыпаться дальше. Ибо поговорить с пробудившимися надо. И даже вчера надо было, но внезапно случился Сажень.

Ищейцу повезло, что ночь прошла спокойно, и ещё больше повезёт, если мои подопечные не уснут крепко на необновлённых знаках. Потому что без силы посоха (или кровного родственника покойника) в склепы не войти, и я бы после возвращения с островка не вошла.

Всё, решено. Пусть поддыхает на своих островах или в лекарской после «возвратного пути». Пальцем не шевельну, пока свои дела не переделаю. Хотя мне важно иметь связи с ищейцами, этот определённый ищейец уже слегка напрягает. Да, сначала – кладбище, потом – проблемы Сажена.

Который раз за два года я себе это говорю? Не знаю. Но всё равно скажу. Вдруг в следующий раз поможет. У нас же на островах чудо на чуде сидит и чудотворчеством погоняет. Я просто обязана верить в чудеса.

Ярь давно расшевелил в очагах первого этажа огоньки силы, и в обычно сырой и ледяной ванной было не так противно. Я умылась, вернулась в спальню, переоделась и поползла

на кухню, выстраивая план на день. Обновить знаки в святилище – на всякий случай. Поговорить с проснувшимися. Собрать праховых и проверить, нет ли новых. Собрать, если есть. Написать родственникам и доложить в островную Управу – скончались совершенно, мир их праху и да примет их Небытие. Ну а потом – уборка кладбища. Без Сажена для начала и с ним до вечера.

И рискни опоздать, зараза... Всё равно загружу работой. У меня под надзором огромный остров, шесть больших участков-обителей со склепами и собственно склепы и обычные могилы – больше пяти тысяч первых (только с ракушкой, видимых) и несколько сотен вторых. Обычных мертвецов – материковых людей, без силы – на островные скалы тоже порой выносит, и Красное их тут же помечает. А мы после хороним обычным образом – иногда бесхозными (и безымянными, если далеко в Небытие ушли и не откликаются), иногда по крови родственники отыскиваются.

Кстати, в обители мёртвых уже давно никто не прибирался. А я совсем-совсем мёртвых боюсь, особенно обезображенных временем или природой. Особенно старых утопленников. Такая вот злая шутка природы.

Я подогрела и без аппетита съела кашу, выпила чай и посмотрела на ходики. Пяти-шести часов нам с посохом обычно хватало, чтобы отдохнуть друг от друга, то есть пора за работу. Ярь принёс забытую вчера в коридоре фляжку на длинном ремешке – дескать, перекус с чаем возьми, опять же весь

день провозишься! Я пошарила по шкафам и нашла мешочки с сушёными морскими гадами. Соседи с Чёрного кладбища всей семьёй обожали морскую охоту, и Мстишка таскала мне этих гадов – от сушёных и порезанных соломкой до живых и занимающих полкухни – в несметном количестве.

Да, надо Мстишке написать, пусть ещё тащит. Запасы кончаются. Вообще всего. А силд Дивнар, с тех пор как дед ушёл, взял меня под крыло второй дочерью и снабжал всем необходимым. Смотрителям полагалось продуктовое довольствие, но его же нужно забирать с городских складов. Если идти пешком, это полдня туда, полдня обратно. На кого оставлять кладбище? А силы на столь длинные «мосты» мне никогда не хватало. Поэтому соседи вместе со своим довольствием забирали и моё. Ну и гадов попутно приносили.

На кухонных подоконниках среди куч справочников – от готовки (почти не используемых) до наговоров для земли (зачитанных до дыр) – нашлись листы для записок и грифель. Я быстро настрочила короткую записку и отправила Мстишке наговором «из ладони в ладонь». Хотя подруга, конечно, ещё спит. Семья силда Дивнара большая, и у каждого своё расписание дежурств. Мстишка всегда работала ночью и просыпалась лишь после полудня.

Ничего, найдёт записку. Как обычно.

Я распахала по карманам куртки мешочки с сушёными гадами, обулась, оделась, перекинула через плечо флягу и взялась за посох. Порядок. Работаем.

– Ярь, проверь, кто из вчерашних точно не спит или чутко дремлет, – попросила я, выходя на крыльцо. – Беспокойников не трогай – этим вечно неймётся. С упокойников начни. Я всё-таки для начала обновлю знаки в святилище. Пока силы много.

Помощник согласно свистнул и исчез в яркой вспышке.

Я потуже затянула пояс куртки и накинула на голову капюшон. Утро оказалось на редкость паршивым – с низкими тучами, ледяной моросью и густым туманом всех оттенков красного: от багрового у земли до грязно-серого, сливающегося с небом, у макушек деревьев. «Мостом» бы пойти... и когда-нибудь я пойду. И не пожалею силы на такую мелочь.

Это я тоже обещала себе изо дня в день. Надо же верить во что-то хорошее. Оно иногда случается – чуть реже, чем наши чудеса, но всё же.

Ноги, исходившие Красное вдоль и поперёк, помнили все тропы и дорожки, от главных до тайных. И до любого уголка кладбища я могла дойти самой короткой тропой и с закрытыми глазами, и в туман, и в шторм. И до святилища в тумане добралась быстро и без хлопот.

Чтобы увидеть поразительное – знаки за ночь опустели на целую четверть. Это кто же у меня до сна такой «голодный»? Мои беспокойники не могли за одну ночь столько выпить! Их всего трое!

Или всё-таки могли – предчувствуя скучный сезон зимних штормов, когда лишний раз из склепа носа не высунуть?

Или проснулся кто-то из тех, кого ещё дед молодым хоронил? Я нашла в его бумагах данные об опасных старых спящих – имя-прозвище, номер склепа, дата упокоения, должность и прочее. И не только дедовские – все мои предки составляли отдельные списки тех, кто чрезмерно перебрал силы и мог спать десятилетиями. Веками. И либо умереть в любой момент, либо пробудиться. И либо с памятью пробудиться – человеком, либо без памяти – чудовищем. Как (не) повезёт. Всем нам.

Одно хорошо – это не беспокойник. Беспокойники не могут так крепко спать – чтобы на века. Дед отдельно об этом предупреждал – если знаки внезапно опустели, то, скорее всего, проснулся «старичок». А им – к какой бы группе покойников они ни относились, – чтобы снова уснуть, одномоментно нужно много сонной силы. Очень много.

– Ярь, кажется, у нас старый пробудившийся, – тихо сообщила я. – В лучшем случае один. Возможно, среди упокойников. Проверь, раз ты там. И я скоро подойду.

Помощник серьёзно свистнул: принято.

Я обновила знаки и помчалась домой – за списками. Прошлой зимой, в сезон штормов – безумное время для обычных людей и самое спокойное, долгожданное для зрителей, – я переписала всех «старичков» в отдельный справочник, и он должен быть... на кухне. Скорее всего. Или в ящике стола в кабинете. Или в книжном шкафу в библиотеке. Или...

Нет, однажды я всё-таки приучу себя к порядку. Надо с Сажена пример брать: обещала – выполняй. Не зря же ищущее мне два года глаза мозолит – должен же от него быть хоть какой-то прок, кроме сомнительной уборки отдалённого уголка кладбища и морковных пирогов.

К счастью, справочник нашёлся на кухонном подоконнике. Заодно я прихватила и чистый справочник, и несколько грифелей. И, кажется, окончательно проснулась. И до обители упокойников – самого дальнего участка кладбища, – дабы не терять время, отправилась «мостом».

«Здесь проснувшихся «старичков» нет, – свистнул Яр, когда я выбралась из «моста» среди раскидистых деревьев и склепов-ракушек. – Все проснувшиеся вчера – твои захороненные, и пяти лет не спят. Сейчас дремлют, но чутко. Кто-то наверняка согласится поговорить».

– Кто же тогда силу жрёт? – я натянула капюшон на глаза. – Четверть изо всех знаков выпил! За ночь!

«Ты же знаешь, что на острове лежат не все, – Яр приземлился на бортик старого фонтана. – Самых опасных хоронили чуть дальше».

...на мелких островках вроде тех, с которого я вчера забрала Сажена. Во избежание. И многие такие островки давным-давно поглотило море. Никаким «мостом» туда не добраться.

«Я проверю тех, чьи склепы на поверхности, – просвистел помощник. – Но те, что под водой, мне недоступны. В край-

нем случае есть древние ходы под землёй – во все склепы, даже в самые старые и глубокие. На любой затопленный островок можно попасть – первые зрители умели обращаться с землёй. Всюду земляные коридоры сквозь море проложили, и они до сих пор целые. Следить за ними – моя обязанность. Но, Рдянк, я боюсь туда лезть. Даже я. Нахожу двери, заглядываю в коридоры, проверяю сон – и всё на том. Жутко там. Да, даже мне».

– Проверь тогда беспокойников и беспокойников, – попросила я. – На всякий случай.

«В коридоры тоже загляну, – пообещал Яр. – Послушаю. Проснувшихся слышно издали. Вечером?»

– Да, давай перед сном знаки снова проверим, – согласилась я. – И с нашими беспокойниками пообщаемся. Вдруг они.

«Нет, не они, – веско возразил помощник и сердито встряхнулся. – Я знаю, сколько силы они поглощают даже перед зимой. Слишком много выпито. Пообщаться – да, но это не они. Что-то иное. Кто-то другой. Но иногда староспящему довольно пары-тройки глотков. Наш последний «старик» просыпался лет двадцать назад. Не помнишь?»

Я с сожалением качнула головой. Тогда дед считал меня слишком маленькой для зрительских дел. Зря.

«Как проснулся, так и уснул, – пояснил Яр. – За одну ночь вытягивал из святилища треть силы, если не больше, и дня четыре ворочался. А потом уснул и с концами. На тре-

тьем подземном кольце захоронен, среди упокойников. Твой дед лично его склеп опустил на глубину, когда близкие перестали приходить. Бодран его звали».

Я спряталась от дождя под ближайшей ракушкой, прислонила посох к стене и достала справочник. Так, Бодран-Бодран... А что мне, собственно, даст имя этого «старичка»? Ничего. В подземных склепах, конечно, жутковато, но я их никогда не боялась – спущусь, проверю, что уж. Вход в островное подземелье – из подвала моего дома, карты есть, и я в них понимаю.

«А стоит ли? – заметил Яр, угнездившись на моём плече. – Не тревожить спящее почём зря – основное правило зрителя».

Я пролистала списки – длинные, больше пятидесяти человек опасных «старичков» закреплено за Красным кладбищем, – и неохотно согласилась:

– Не стоит, конечно. Будем наблюдать обстановку. Варианта два – или сам уснёт, или наверх ползет. Или нормальным вылезет, или дурным. И в первом, и во втором случае упокоить его лучше наверху, создав новый, более мощный склеп. Не то волны силы остальных спящих растревожат, и тогда нам совсем хана. Мало нас слишком.

И не этого ли боится Красное? Что вылезет опасное, а мы вдвоём не справимся? Не поэтому ли оно кого-то... зовёт?

«Мне тоже кажется, что зовёт, – кивнул помощник. – Я уже третью ночь землю слушаю – точно зовёт. Ну и... думал,

ты заметила».

– Ярь, ты опять? – укорила я. – Предупреждай о таком, ладно? У меня нет времени замечать *всё*. Я физически не могу везде успеть.

«Понимаю. Но ты должна научиться работать без меня, – серьёзно посмотрел Ярь. – Конечно, я всегда буду рядом. Подскажу, посоветую, поддержу. Но ты – старший смотритель, не я. Тебе принимать решения. И они должны исходить из твоих, а не из моих, наблюдений, замечаний и выводов. Путь лишь тогда твой, когда ты всё видишь и решаешь, а не кто-то рядом. Да, в большой опасности для тебя или Красного я ждать не буду – вмешуюсь. Но пока её нет – сама, Рдяна. Даже если тяжело. Ты всё знаешь и умеешь, осталось привыкнуть. И ты привыкнешь – как уже почти привыкла к посоху, хотя он тебе совсем не по «размеру».

– Ладно, замаяли, – я поморщилась и сменила тему: – Всех «старичков» вспомнил?

«Нет, конечно, – помощник взъерошился. – Как ни странно, память сущности небезразмерна. Но список запомнил. Выясню, сколько опасных «стариков» захоронено на нашем острове, а сколько разбросано по мелким островкам. А склепы остальных можно найти в архивных картах. Помнишь Бодрана? Понаблюдаем с седмицу. Не уснёт – начнём волноваться».

– Как и Красное, да? – я убрала справочник в карман, вернувшись к насущному. – Кого оно зовёт?

«Пока не понимаю, – Ярь склонил голову набок. – Оно одинаково рябит ко всему – и к смерти старого зрителя, и к рождению нового, и подзывая упрямого покойника, и окликая нового помощника. Мы не угадаем, из-за чего Красное тревожится, пока оно, то самое тревожное, не случится. Мы лишь узнаем, что оно случилось, когда земля уймётся».

– И снова наблюдаем то есть. Для начала надо понять, «старичок» или нет, – подытожила я. – Давай на облёт. Заодно посмотри, нет ли новых праховых. А потом слушай колокольчики. Сажень же должен прийти – наверное, после обеда. Встретишь?

Ярь снова кивнул и исчез в короткой алой вспышке.

Я пополнила мысленный список дел постоянным наблюдением за знаками святилища – да, два раза в сутки, – и вероятным шуршанием в архиве. Если это наш «старичок» и если он полезет наверх, надобно знать, кем он был при жизни и на что способен. Сила Сонных островов – не только в спячках покойников. Люди использовали её кто во что горазд, на ходу изобретая новые наговоры для чего угодно.

К счастью для нас всех, наговоры были по большей части бытовыми. Вывести водяную жилу наружу для очередного домашнего фонтана в ванной. Удобрить огород. Отправить посылку любого размера и веса. Убрать мусор. Уменьшить на время переноски большие предметы или облегчить тяжёлые. Основная сила островной земли – всё-таки притяжение и поглощение. Чего угодно. И именно те, кто умел с этим

работать, считались опасными даже после смерти. Даже после десятилетий сна. Тем более после десятилетий сна. Воспоминания знаки тоже постепенно вытягивали вместе с излишками силы. А безумец всегда опасен – что живой, что мёртвый.

Я оглянулась на дверь склепа, прочитала имя упокоенного, порыскала по карманам и вытащила сложенную карту.

Так, пора за дело: поговорить с упокойниками и проверить склепы. Что-то всё-таки разбудило их – самых беспроblemных и спокойных моих подопечных. И не просто разбудило, а заставило покинуть склеп. Упокойники, даже большие любители пообщаться, выходят из склепов крайне редко. Вот беспокойники и беспокойники – те да, а упокойники – нет. И если бы сила в знаках кончилась, то проснулись бы все, как уже не раз случалось за эти пять лет. А они проснулись выборочно. Что тоже странно.

Из перечисленных Ярем ближайшая упокоенная – почтенная **силда** Душана. Надеюсь, она не против пообщаться. Вероятно, эти события как-то связаны – и больше двадцати одновременно разбуженных покойников, и опустошённые знаки, и тревога Красного. А если нет и во всём виноваты очаговые вспышки силы, я только за. Листву-то убирать не успеваю, куда мне ещё за проснувшимися «стариками» охотиться...

«Святылище от вспышек защищено», – вредно напомнил Ярь.

Ну да. Вспышки знаки поверить никак не могли.

Я отметила на карте склепы с пробудившимися и вспомнила – всех. Точно, все мои – всех я упокоила. Всем до пяти лет. И все беспроblemные (кроме трёх приснопамятных беспокойников, но и те не уходят далеко от своих склепов). И, само собой, все рядом. Выбор места, как на обычных людских кладбищах, здесь невозможен. Где смотритель положил – там и спи. Позже, когда прахом пойдёшь, лежи где хочешь или где родственники захотят похоронить. А у нас свой порядок: все свежие покойники должны находиться рядом. Так их проверять удобнее.

«Пробудившихся «старичков» не слышу. Если кто-то и проснулся, то лежит очень глубоко. Но есть ещё трое прахов среди беспокойников», – свистнул Ярь.

Ясно. Ускоряюсь.

Я свернула карту, натянула на глаза капюшон, прихватила посох и окунулась в ледяную морось. До склепа силды – пять минут бегом.

Бегом!

Красный туман путался в ногах, скрывая тропы. С мокрых ветвей противно капало. Я в считанные минуты продрохла и пропиталась запахом прелой листвы, поэтому к склепу примчалась быстрее обычного. Нырнула под ракушечный навес, провела наверху посоха по двери и, едва та распахнулась, шмыгнула в сухое тепло склепа. Сбежала по ступенькам вниз, в красноватый сумрак, и выдохнула.

Силда Душана не спала – маленькая, сухонькая, седенькая, одетая в серебристое платье с чёрной шнуровкой на воротах и рукавах, она лежала на отходном столе и что-то тихо напевала. И при виде меня бодро села.

– Деточка! – силда чуть не прослезилась. – Девочка моя! Ты уж извини за беспокойство, я стараюсь, но не спится!

– Доброе утро, – я откинула с головы капюшон и быстро подсушилась наговором «капля к капле», после сбросив водяной ком в фонтанчик у стола. – Сейчас разберёмся.

Покойникам не нужно ни есть, ни пить – шум воды их успокаивал и продлевал сон. А нам вода требовалась, чтобы омыть тело, если покойник явился неподготовленным. И больше в склепе ничего не было – фонтан, круглый отходной стол, красные факелы на стенах да тайники с личными вещами – перебрать свои сокровища, если не спится, вспомнить. Или же от семьи спрятать – навсегда. По своим причинам.

– Знаки в моём склепе целы и полны силы, – доложила силда Душана.

– Но что-то вас разбудило, – заметила я, внимательно изучая стол. – Наружу выходили?

– Да, – она покраснела. – Виновата, деточка. Вынесло.

– Вынесло? – задумчиво повторила я. – Объясните? Да вы ложитесь. Успокойтесь.

Силда Душана улеглась, закрыла глаза, подумала и тихо сказала:

– Знаешь, был у меня один случай при жизни... Пожар

в доме. Ночью, когда все спали. Клянусь, деточка, я не помню ни криков, ни запахов дыма – но очнулась я тогда уже на улице. Вынесло меня. Вот как есть вынесло сонную от беды подальше. Соседи говорили, кричали под окнами – а лето, окна открыты, они громко кричали. Видать, во сне услышала, поняла, да не запомнила.

– То есть что-то вчера вас тоже напугало, – я хмуро кивнула. – Или звуки, или вспышки силы, или ещё что-то. А сейчас?

И верно: знаки в порядке. Стол в порядке. Всё в порядке – в видимом. И никаких последствий вспышек силы.

«Да, никаких, – подтвердил Яр. – Глубинных – тоже. В этом смысле земля спокойна».

– И сейчас не спится, – просто ответила силда.

– Тревожно? – уточнила я. – Постарайтесь объяснить. Что это – последствия вчерашнего испуга, и вы до сих пор расстроены? Или же что-то не так здесь – в склепе? Не торопитесь. Прислушайтесь к себе. Послушайте себя. В вас это беспокойное – или вовне?

Силда Душана с минуту лежала молча, а потом прошептала:

– Знаешь, как жужжит что-то. Будто бы комар зудит – тихо-тихо, но так противно... В склепе это. Да. В склепе.

У покойников притупляются все органы чувств: со временем они перестают видеть краски; хуже слышат, не различают мужской и женский голоса, теряют смысловую связь со

звуками; не обоняют и не осязают. Но кое-что остаётся с нами надолго, иногда даже до прахового состояния – то, чем они занимались всю жизнь и что подпитывается силой. Художник может совсем потерять слух, но и через десять лет спячки в сумраке различит цвета. А певцы и музыканты...

– Вы, кажется, играли на сцене?

– О да, – силда Душана мечтательно улыбнулась. – И певицей, и актрисой я была посредственной, но в музыкальных постановках с пением и игрой я блистала. И музыку к пьесам писала сама. Всю жизнь у меня с музыкой такая любовь....

Что здесь издаёт тревожные звуки? Стол, фонтан и земля. Если силда слышит кладбище – если земля рябит и гудит, – то я ничем не помогу. Добавлю, конечно, силы знакам, но беспокойство не уйдёт, и в любой момент силду Душану может снова вынести из склепа. А если всё-таки нет...

Проверим простейшее.

Я села на пол, прижала ладонь к земле и зашептала наговор, отводя водяную жилу. Фонтанчик замолчал. И я так остро ощутила тишину – глубокую, звенящую, плотную... Спокойную. Успокаивающую.

– Ох-х-х, хорошо-то как... – прошептала силда Душана и зевнула. И снова зевнула. И уснула.

Вода, значит, – звуки воды... На всякий случай я отвела водяную жилу подальше, заодно осушив фонтаны в нескольких ближайших склепах. Встала и снова развернула карту. Так, кого ещё могла побеспокоить вода? Я посмотрела на от-

меченные склепы. Ну вот. Все проснувшиеся покойники – все двадцать пять – имели либо развитый слух, либо развитое обоняние. И могли забеспокоиться от странных звуков или запахов.

Я снова села на пол, нащупала отведённую водяную жилу, проследила её направление и почти не удивилась, обнаружив, что она брала своё начало из крупной глубинной жилы, которую использовали и для фонтанов остальных проснувшихся. А ещё она же питает мой дом и часть древних подземных склепов – тех самых, в которые даже Ярь боялся заглядывать.

– Ты понял, да? – тихо спросила я. – Что-то растревожило подземные воды. Или кто-то.

«Ничего подобного не припомню. Посмотрим вечером архивы, – коротко свистнул Ярь. И после паузы заметил: – Или поговори с силдом Дивнаром».

– Это быстрее, – со вздохом согласилась я.

Силда Душана крепко спала и во сне улыбалась, как ребёнок. Сны им всё-таки снились – воспоминания о прожитой жизни. И силда явно видела во сне что-то крайне приятное. Хвала праху. Загляну в остальные склепы – для подтверждения догадки, а дальше – по обстоятельствам.

Я встала, убрала в карман карту, проверила отходной стол, закинула на плечо посох и для начала отправилась в те склепы разбуженных, откуда вода уже ушла. Перебегая под дождём от первого склепа ко второму и дальше, я везде обна-

ружила одно и то же – фонтаны молчали, а покойники крепко спали.

В отличие от тех, в чьих склепах по-прежнему шелестела ниточно-тонкая струйка фонтанной воды – беспричинно тревожа и прогоняя сон.

Выйдя из последнего склепа разбуженного упокойника, я позвала помощника:

– Ярб! Нет смысла метаться по кладбищу. Я отсюда перекрою воду в остальных склепах. Следи за беспокойниками. Если сразу уснут, дай знать. А к беспокойникам загляну, они всё равно рядом с моими первыми праховыми.

Беспокойники мало спят, и в них сохранилось больше чувств. Больше памяти чувств. Может, получится дополнить картину новыми деталями.

Помощник понятиливо свистнул.

Туман почти разошёлся, и дождь почти закончился, в сером воздухе дрожала лишь привычная липкая морось. Я села на колени, отложила посох и занялась жилой – отводя даже те её отростки, которые шли к дому. Новые позже подведу – дело-то на две минуты. И, главное, оно не требует работы с посохом. То есть я быстро управлюсь с праховыми, и мы с посохом до вечера успеем друг от друга отдохнуть. И Сажен на сей раз мои планы не скомкает. Не должен.

На Красном творится что-то непонятное. Нельзя оставаться без поддержки посоха, пока я не пойму, что именно.

Закончив с жилами, я подняла посох, встала и немедленно

занялась следующим делом.

Обитель беспокойников находилась рядом со святилищем и домом смотрителей. Больно уж эти ребята тревожные и резвые на побег. С беспокойниками тоже возни много, но они хотя бы не уходят далеко от родного склепа. В отличие от беспокойников. Только отвернись, а они уже гуляют и всегда норовят забраться подальше – к упокойникам, в обитель перебравших силы животных, к мертвецам. И силы в них много, и прыти – они даже «мосты» открывать умели. Поди, уголись за ними.

К счастью, сейчас троица моих подопечных собралась в крохотной беседке у центрального фонтана и о чём-то взволнованно перешёптывалась. При виде меня они дружно замолчали. Колоритная из них получилась компания. Первый, Видан, – очень высокий и худой, седой; второй, Ровнар, – среднего роста, мускулистый, плотный, чернявый; третий, Зордан, – низенький, пухленький и кучеряво-рыжий. И все – бывшие служащие островной Управы. Правда, про Зордана говорили, что он долго подворовывал, а после поимки подался в ищейцы, кем и кончил – судя по многочисленным нашивкам на плаще, славно.

Нет, не надо мне такого второго...

Я поднялась по ступенькам, раздвинула «шторы» плюща и бодро поинтересовалась:

– Ну, почтенные силды, чем порадуете?

– Вода воняет, – сразу же ответил Зордан. – Испортилась.

Что родное моё тухлое болото на Топких северных островах стала. Во всей нашей обители.

А не рано ли я беспокойников-то уложила? Надо бы...

– У беспокойных она была горячая, – Зордан словно мои мысли прочитал. – Раскалённая. Они все проснулись от жары. А по упокойникам сама поняла, да? Я всё вызнал, Рдянка, не зря же ищеец. Мы бывшими не бываем.

– Питающая жила у нас одна, – я прислонила посох к столу и села на земляную скамью рядом с Виданом. – В моём доме – никаких странностей.

А вот не занялась бы я вчера уборкой – не заметила бы сейчас. Моего дома испорченная вода не коснулась.

– Мы тут прошлись по трём обителям, – Зордан переглянулся с Виданом, то ли разрешения испрашивая, то ли поддержки. – Общие верхние фонтаны проверили – у нас, упокойных и беспокойных. Чистейшая вода везде, – и прямо спросил: – Нам спать или бдеть?

Сила из троицы была тем же горячим фонтаном. И так же беспокоила, и так же будила внезапно, а после не давала спать, требовала движения, толкала на подвиги. И за те годы, что беспокойники провели в относительной спячке, силы почти не убавилось. Знаки вытягивали её по жалкой капле в месяц.

Ладно, нет смысла скрывать очевидное.

– Что-то происходит, – признала я мрачно. – Если бы вода испортилась одинаково – протухла или нагрелась, – то,

да, это природа. Мелкие очаговые вспышки силы, которая не прорвалась наружу. Прочие чудеса островов. Но разное воздействие воды из одной и той же жилы на вас плюс нормальная вода у меня – это даже не чудеса. Это нечто иное.

– Внешнее влияние, точно, – Зордан кивнул. – Кто-то тебе подянку подкидывает, Рдянка. Кому хвост прижала? Ну?

– Или испытание, – солидно вставил Видан. – Дед твой любил такие, помнишь? Западню тебе обустроить, чтоб проверить, мог же?

Силд Видан – мой самый первый покойник, принятый на опеку без деда. И он успел пообщаться с парой старых беспокойников, которые, на моё счастье, отчалили в Небытие вслед за дедом.

– Или «старичок», – подал голос Ровнар. – «Старики» много чего портят по дороге, пока выход из подземий ищут.

– Красное рябит, – я топнула ногой. – Земля странно волнуется. А в святилище вы, конечно, утром заглядывали и тоже всё заметили. Знаки за ночь сильно опустели.

– Это не мы! – в один голос заявила троица беспокойников.

– Что-то происходит, – повторила я. И решилась: – Ладно, бдите. Всё равно же не уймётесь. Но давайте так: один спит – двое дежурят. Спать – честно спать, уважаемые силы! – хотя бы тридцать часов в седмицу. Это самый малый обязательный порог для вас, иначе больно будет. Очень. Помните? Мне за вами следить некогда. Через седмицу проверю. Не

убудет силы – запру, уж извините, в склепе к праху.

– Будем спать. Я расписание составлю и прослежу, – пообещал Зордан.

А Ровнар щербато улыбнулся:

– Мы же не враги себе, Рдянка. И тебе. Ну уж коль неймётся – ну дай полезными побудем.

Я кивнула и посмотрела на Зордана:

– Вы же заметили, да? Что вода испортилась только в моих склепах и у моих покойников?

– Потому и говорю, что подлянка, – он тряхнул рыжими кудрями. – Тебе.

– Да никому я ничего плохого не сделала, пока смотритель, – я поморщилась. – И сама по себе тоже. А вот дед успел. В упокоении многим отказывал. На язык острым был. Подопечных безжалостно гонял. После его ухода на деда сразу несколько покойников своим родичам пожаловались. Ко мне аж из Управы разбираться приходили. Хорошо, силд Дивнар тогда за мной присматривал и вмешался. Из-за деда разве что мстят, если иначе не получилось.

– Пять лет прошло, – напомнил Ровнар. – Не поздновато ли спохватились?

– Я тебя умоляю, Ров! – фыркнул Зордан. – Есть такие злопамятные твари, что и через десять лет мстить будут, и через двадцать, и даже внукам, и даже уже мёртвым. Лишь бы душу свою поганую потешить. Знаешь, сколько я таких паскуд переловил?

– А скольким по молодости помог? – ухмыльнулся Ровнар.

Зордан набычился.

– Молчать, – веско произнёс Видан. – Потом скандалить будете. Рдяна – это не мы, бездельники. Некогда ей вас разнимать. Рдян, у нас пока всё.

Я спохватилась. Да, ещё же праховые.

– Дежурьте. И чуть что – или ко мне, или к Ярю. С любыми мелочами. Спасибо, силды.

Подопечные дружно попрощались, но, уходя из беседки, я заметила, что глянул Зордан на Ровнара отнюдь не дружески. Ладно. Они же мёртвые. Если подерутся, то лишь похоронную одежду попортят да местность. Которую потом сами же и восстановят.

А у меня – праховые.

Я так торопилась, что на ступеньках едва не споткнулась о крупную чёрную кошку. Та ловко увернулась, сверкнула тёмными глазами и томным голосом Мстишки поинтересовалась:

– Ну что, подруга, в гости ждёшь?

Глава 3

– Погоди, Мстишь, подальше отойду, – прошептала я. – Тут много беспокойных ушей.

Кошка Чернояра – помощница соседей, вроде моего Яря. С тем лишь отличием (кроме облика), что она смело ходила по другим островам. А Ярь боялся – одну меня оставлять, без присмотра. Даже на час.

«Неправда!» – возмущённо засвистел Ярь.

– Правда, – усмехнулась я, быстро направляясь к дому.

Помощник засвиристел-засопел и добавил:

«Неспокойники спят. «Старичков» пока нигде не наблюдаю».

– Спасибо, друг.

Кошка бесшумно следовала за мной. Мы вышли на широкую главную тропу, и Черна запрыгнула на ближайшую скамейку под раскидистым деревом. Я села рядом, открыла флягу и улыбнулась:

– Мстишь, я тебе всегда рада и всегда жду, ты же знаешь. Даже если без предупреждения появляешься. Всё равно я всегда здесь.

– Но? – многозначительно продолжила подруга.

– Дел – завались, – честно сказала я. – Осень же, прах её, сыпучая. И Сажень сегодня на отработку прийти должен.

– Опять сняла его с очередного дерева? – Мстишка рас-

смеялась. – Не надоело?

– Надоело, – я достала мешочек с сушёными гадами. – Но знакомый ищеец нужен. К нам же и убитые приходят, и преступники. Из Управы ищейца не дождёшься, а свой сразу прибежит, тем более если должен.

Кошка посмотрела на меня с задумчивым прищуром. Да, на Сажена у Мстишки был зуб. Особенно потому, что он так и не признался, зачем полез в смотрительский тайник.

– Ладно, втроём быстрее справимся, – наконец согласилась она. – И даже не подерёмся. Я умею быть доброй, Саж умеет быть милым, а ты умеешь очень по-дедовски грозить посохом. Заодно и накормлю. Обоих. Ты же опять одной «сушённой» питаешься?

– Я вчера суп сварила! – возмутилась я.

– Ну да, ну да, – фыркнула Мстишка. – Знаю я твою стряпню. Прожевать иногда можно, но выглядит так мерзко, что всякий аппетит теряешь. Продукты заодно принесу – папа вчера в город сходил и всё для нас взял. Что у тебя сейчас на очереди?

– Праховые, – уныло перечислила я. – Документы. Уборка. И прочие проверки знаков.

– Выхожу, – решила Мстишка. – С обедом. Сначала поешь, а потом пойдёшь по своим праховым. Мне что поручишь?

Я стеснялась нагружать подругу своей работой, но лишь до тех пор, пока однажды, пользуясь моим отсутствием, она

не нашла работу сама – и не взялась отмывать и отчищать от пунцовой плесени второй этаж, перепутав дедовы записи. Нет уж, есть дела поважнее.

– Сажена я отправлю к мертвецам, – я глотнула чаю. – Вам же проще подальше друг от друга? На тебе тогда обитель беспокойников и листва.

– Надеюсь, это недоразумение однажды по-настоящему тебе пригодится, – кошка прыгнула со скамейки. – Хоть раз. Кстати, ему же можно твой суп скормить. Жди. И не перебивай аппетит.

Черна исчезла в кустах.

Я допила чай, взяла посох, встала и послушно побрела к дому.

Мстишка с раннего детства строила всех подряд. И трое её старших братьев, и даже иногда родители, и тем более я – все ходили по струнке. И все мы её обожали – за командирским нравом скрывалась добрая, искренняя и любящая душа. Которая всегда скажет правду и поддержит в сложное время. Примчится на помощь, даже если накануне с ней разругались вдрызг. За своего порвёт любого. И после ночи дежурства, поспав в лучшем случае часов пять, схватит посох и прибежит на чужое кладбище убирать листву.

Накануне дедова ухода мы с Мстишкой ужасно поругались – она опять пыталась мною командовать, я привычно сопротивлялась, слово за слово... Но когда дед ушёл, она первой узнала об этом от Яря, собрала вещи, заявила отцу,

что уходит жить на Красное, и перебралась ко мне на две седмицы. С тех пор я перестала сопротивляться. Она такая – и всё на том. Важно другое – что она никогда не бросит меня в беде (и не только).

Дома я поставила посох в угол, разулась, разделась и поспешила на кухню – подвести водяную жилу к фонтанам, расшевелить огоньки силы, согреть отсыревший дом и вскипятить чай. Конечно, подруга слегка не вовремя – я собиралась обедать, закончив с праховыми...

Хлопнула входная дверь – знакомо и по-командирски. По-хозяйски. Огоньки, предчувствуя Мстишку, сами завозились, разгоняя по кухне тепло, а по очагу – жар. Чайник тут же взволнованно забурился. Я сняла его с крючка, поставила на стол и полезла в подвесной шкаф за посудой. Заметила во втором очаге забытый котелок с супом и поспешно сунула его в «холодный» сундук.

Мстишка появилась на кухне и по-хозяйски огляделась. На полголовы выше меня, смуглая, с чёрными глазами, вздёрнутым носом, косой чёлкой и двумя тёмными толстыми косами до попы, в длинном тёмно-красном платье с высоким воротом и чёрной шнуровкой. Половина свободного мужского населения Нижгорода ходила в Мстишкиных поклонниках, а вторая половина втайне об этом мечтала и ждала своей очереди. А подруга выбирала – медленно и тщательно. Но пока безрезультатно.

– По-моему, – Мстишка поставила сумку на стул и вни-

мательно изучила потолок, – это твоя самая успешная практика работы с землёй, наговорами и половой тряпкой. Кого ждёшь?

– Понятия не имею, – я достала из шкафчика чашки. – Это Красное кого-то ждёт. Ну и я на всякий случай.

Прах, утреннюю посуду помыть не успела...

– А я-то думаю, отчего Красное такое нервное, – подруга нахмурилась. – Сколько дней?

– Четвёртый. По тому, как Ярь заметил. Я заметила только вчера вечером, – я бочком придвинулась к фонтанчику и заткнула чашу пробкой.

– Может, пусть папа послушает? – Мстишка зашуршала сумкой и загремела посудой. Обалденно запахло мясом с грибами. – Он всегда интересовался зовами и прощаниями, наловчился отличать одно от другого.

– Напишу, – я взяла тряпку, зелье и заскребла котелок из-под каши. – Или ты передай. Мне не только по поводу зова совет нужен.

– Что случилось? – встревожилась подруга.

Я коротко пересказала, заодно вымыв посуду.

– У нас тоже такое было, – удивила Мстишка. – Года два назад, ближе к осени. Точно так же испортилась вода, так же пробудилось около тридцати покойников в разных обителях. Мы всё Чёрное перерыли – ничего не нашли. Ты обитель животных не проверяла? Загляни после обеда или Яря отправь. У нас тогда испортилась вода в верхних фонтанах.

А до животных мои бравые беспокойники-то не дошли...
«Уже лечу», – свистнул Ярь.

– И ничего? – я расставила посуду на подвесной сушилке и повернулась, вытирая руки полотенцем.

– Ничего, – Мстишка покачала головой. – Ничего не нашли – ни на кладбище, ни в архивах, ни в памяти Черны. Проблемы с водой случились всего один раз – на одну ночь – и больше не повторялись. И за ними ничего другого не последовало. Так что, Рдянка, если это и подлость, то не только для тебя. Ну или, возможно, объявилась наша древняя беспокойница и головная боль – Гулёна. Сама знаешь, она то воду испортит, то плесень притащит, то защиту продырявит, когда с кладбища на кладбище прыгает... Есть садись.

Гулёна – да, вариант. Но если не только она...

– А чьи именно покойники просыпались? – меня тревожило, что проснулись только мои.

– Общие, Рдян. У нас нет деления на то, чьи. Они все наши. Но проснулись только свежие. Кто года три-четыре как спал.

«В верхних фонтанах обители животных вода грязная, – сообщил Ярь. – И с каким-то осадком. Ухожу на облёт остального».

Я села за стол и повторила вслух.

– Всё как у нас, – озабоченно подтвердила подруга, раскладывая вилки. – Папа сейчас отсыпается после города. Вечером передам. Два случая – уже точно не просто так. Ко-

му-то мы, зрители, оттоптали кое-что важное и нежное.

Мясо с грибами и овощами в горшочках пахло изумительно и таяло во рту. Я расправилась со своим обедом моментально. Мстишка глянула на меня и покачала головой:

– Приходи-ка ты к нам на ужин почаще, а?

– Зимой – да, – пообещала я, разливая чай. – Наверное.

– Всё стесняешься, – неодобрительно заметила подруга, выискивая в тушёных овощах грибы. – Не хочешь быть нам обузой. А мы же вообще-то ещё и родственники. Зовут – значит, приходи. Мама обижается, если ты вроде как «не можешь». Ну и что, что она с твоей матерью не ладила? Тебя она любит и всегда ждёт. Сколько раз это повторять?

– Не знаю, – я придвинула к ней чашку. – Сколько хочешь. Я себе некоторые вещи уже двадцать лет говорю – бесполезно. Не судьба.

– Вернее, вредность. И повышенная упёртость, – Мстишка отложила вилку, понюхала чай и одобрительно улыбнулась: – Вот что ты умеешь – то умеешь. Никто лучше тебя чаи не делает. Ягодно-травяной? Свежий сбор?

– А то, – я встала, убрала со стола грязную посуду и зашарила по шкафчикам. – Лето было спокойным, и мы с Ярем пропололи все окрестные острова. В синем сундуке готовые сборы и полный чердак неразобранной травы, ягоды и грибов. Готовое забирай, к зиме ещё вам сборы сделаю. Грибы, если что, в зелёном сундуке.

– Чайми нас снабжать ты не стесняешься, а...

– Мстиша! – я грохнула о стол корзинку с ореховым печеньем. – Ну хватит!

– Нет, не хватит, – подруга снова занялась своим обедом. – Я буду тебя донимать, пока жива. Смирись.

– Мечтай-мечтай, – хмыкнула я и глянула на ходики.

Проглотила чай, прихватила пару круглых печенюх и подскочила:

– Всё, я ушла.

– На ужин что приготовить? – Мстишка отодвинула горшочек и с подозрением изучила печенье. Поняла, что не я стряпала, и расслабилась.

– Да всё равно. Всё съем.

– Скучная ты, – подруга взяла чашку с чаем.

– Удивила, да, – я улыбнулась. – Спасибо, что пришла. До вечера!

– Угу.

Обуться, одеться – и к праховым. И все пятеро – в обители беспокойников. А потом – вода. Потом, я сказала! И хорошо бы Мстишка приготовила ужин сейчас. Если мы с ней пересечёмся за уборкой, то болтать будем больше, чем работать. Душевно поболтать – оно, конечно, полезно, хоть не одичаешь (совсем), но дела сами себя не сделают (к сожалению).

До ближайшего прахового я добралась за десять минут – мимо святилища, по шуршащим от листвы старым тропам, петляющим среди древних деревьев.

– Ярь, новых праховых нет? – негромко спросила я.

«Нет. И на кладбище всё спокойно», — доложил помощник.

Я выбралась из-под сплетения низких ветвей к ракушке, над которой поднимался искристый красный дымок.

— Давай ко мне, — я подошла к двери, прочитала на табличке имя и провела наверху посоха по двери. — Быстрее справимся.

Ярь тут же вынырнул из алой вспышки. А дымок, выходящий над ракушкой, исчез, едва я открыла дверь. И повалил из дверного проёма, облаком скапливаясь под навесом. Резко запахло старым склепом. Я вытянула свободную руку и пошевелила пальцами, собирая землю. Наговором свивая её в кувшинчик.

— Мир твоему праху, Умнар Вых, — проговорила я тихо.

Облако скрылось в кувшине, он полыхнул красным, и на земляном боку появилось мерцающее имя.

— Относи, — я протянула кувшин Ярю. — В беседку к северным воротам.

Ярь исчез вместе с кувшином, а я достала справочник с грифелем и записала — имя, прозвище, даты захоронения и праха. Позже оповещу родственников, и пусть решают, что делать с прахом — или здесь хоронить, или домой забирать. Под «здесь» всё давно готово — и лопаты в сарайке при обители мёртвых, и расчищенные места там же. Мне от них нужно лишь уведомление — прах забрали и (или) прикопали там-то.

Спрятав справочник и грифель в карман куртки, я дважды

обошла ракушку – сначала сметая в сторону листву, а потом тщательно прорисовывая заострённой пяткой посоха знаки. Когда круг из них замкнулся, я прошептала прощальный наговор и с силой вонзила посох в последний символ. Земля дрогнула. Ракушка осыпалась прахом. Плющ с обиженным писком змеей метнулся в сторону деревьев. А подземный склеп с погасшим отходным столом и тайниками опустился на второе подземное кольцо – смещая собой те, что были под ним, ещё ниже.

Всё. Площадка для следующего неспокойника готова, номер для нового склепа свободен. А тайники... Покойники редко берут с собой завещанное родным. Только личное. И порой опасное – для мира, для людей, для наших чудес. Такое навсегда остаётся сокрытым в землях Красного – становится его имуществом. Но, случается, кладбище решает вернуть вещи в мир – и возвращает. Или даёт знать – приходи подземельями и забирай, – или просто подбрасывает к дому. И что мы только с дедом ни находили на крыльце в своё время... От любимых домашних тапочек до мешочков с золотом.

– Ярь, пометь потом на всех картах новые смещения склепов, пустые площадки и свободные номера, – напомнила я. «Сделаю», – свистнул он.

Это его личное чудо – править и оттиски со старых карт, и нашу постоянную карту так, что не видно ни одной правки. Плющ распищался, явно предупреждая своих друзей: да-

вайте, мол, бегом с навесов, пока не поздно! Ярь вернулся и завис в воздухе. Я закинула на плечо потяжелевший посох, нашла взглядом следующий дымок и поспешила к очередному праховому. Всего четверо осталось, и все рядом – мне вообще-то везёт. Хотя лучше бы одно большое дело делать, чем десяток мелких. Мозг за ними не успевает.

Ладно, потом ныть буду. Если соберусь. Может, даже Мстишке пожелаю за чашкой чая. Она отчего-то любит чужие «сопли» и обожает утешать.

Дело делалось быстро и привычно – ещё с двумя праховыми я закончила за полчаса. А перед четвёртым замедлилась – заслушалась. Мстишка убирала листву на главной тропе и пела. Я сразу узнала старинную балладу о юной деве, которая после Разлома оказалась одна на крохотном островке. Высокий грудной голос Мстишки поднимался к серому небу, сливался с шелестящей листвой и ветром разносился по обители. Я оперлась о посох и слушала, слушала, слушала... Сотни раз слышала, как подруга поёт, но каждый раз всё во мне замирало, зачарованное, и почему-то пощипывало глаза.

«Хороша!» – пронзительнее обычного свистнул Яр, часто-часто моргая. Он тоже застыл в воздухе, распахнув крылья и впитывая песню.

– Не то слово! – я отмерла и решительно взялась за посох. – И оттого пока лишь младший смотритель – никак не может выбрать между кладбищем и сценой.

«Черна сказала, Мстинара тебя бросать не хочет. Что тебе

без неё трудно», – заметил помощник.

– Ну да, – неохотно признала я, расчищая листву вокруг ракушки. – Но о некоторых вещах и мне бесполезно говорить, и ей. Пока здесь не будет толпы помощников, Мстишка нас не бросит. А ещё она боится новых дел и перемен. Не только в нас дело.

...но и в нас тоже. Никто на Красном работать не хочет. Сначала его избегали из-за лютого нрава деда, а потом... Не знаю. Наверное, из-за слухов. Или ещё чего-нибудь. Но, может, сейчас кладбище наконец-то нашло в городах Сонных островов помощников и зовёт? И хоть бы дозволось...

Мстишка снова запела, и почти сразу же по кладбищу разнёсся нежный колокольный звон. Я дорисовала последний знак и достала из нагрудного кармана куртки маленький колокольчик. Перевернула и посмотрела, на какой знак на ободке указывает язычок-стрелка.

– Северные ворота, – определила бегло. – Сажень, поди, нарисовался. Ярь, встретить и проводи его к мертвецам – на западный участок обители. И записку передай, – я убрала колокольчик и снова зашарила по карманам куртки. – Сейчас напишу.

«Сажень же знает наше кладбище. Зачем его провожать?» – удивился Ярь.

– Потому что я знаю Сажена. Он сразу начнёт совать свой любопытный нос во все сарайки, склепы и могилы. Проводи и присмотри, чтобы никуда не лез.

Грифель, бумага, справочник подставкой... Ярь улетел с запиской, а я вернулась к прерванному делу и с сожалением прислушалась к удаляющейся песне Мстишки. Ладно, зима начнётся – наслушаюсь. Зимой – лютые шторма, народ сидит по норкам, а на кладбище появляется только по случаю покойников, и то не всегда – чаще всего появляются одни покойники. А родственники подтягиваются попрощаться лишь весной. Чисти изредка тропы, пополняй раз в месяц знаки в святилище да поглядывай, нет ли праховых. Благодать.

Закончив с четвёртым праховым, я сунула кувшин в карман куртки и поспешила к последнему.

– Ярь, больше праховых нет?

«Нет, – свистнул он. – Свободна».

– Издеваешься?

Ярь просвиристел что-то невнятное и извиняющееся. Дескать, он не нарочно и вообще не это имел в виду.

Я очень быстро и сердито упокоила последнего прахового, сунула кувшин под мышку, закинула на плечо изрядно потяжелевший посох и заторопилась домой – заполнять отчётные бумаги.

– Ярь, освободишься – кувшины на крыльце.

«Принял», – коротко ответил помощник.

Посох, на удивление, оказался не таким тяжёлым, как я ожидала. Значит, и трёх-четырёх часов отдыха хватит.

Дома я разулась-разделась, заскочила на кухню за чашкой чая и помчалась в кабинет. Достала справочники, нашла

имена родственников и первым делом написала записки им, отправив наговором «из ладони в ладонь» (и мне всё равно, чем они сейчас заняты и где находятся; когда есть время, тогда и пишу). А после выкопала из стопок бумаг черновик подтверждения смерти, нашла в ящике стола бумаги с печатями и взялась за документы для Управы. Медленно, печально и очень внимательно. Одно слово пропустишь или не то напишешь – заново писать заставят, заразы дотошные.

Ярь знал, чем я занимаюсь, и мудро помалкивал. Но как только я расписалась на последнем документе, помощник встревоженно засвистел, докладывая:

«В обители мертвецов верхние фонтаны переполнены – вода бьёт через край».

– Почему-то не удивил, – проворчала я и достала из ящика стола почтовую управскую трубу из старой тёмной кожи.

«Сажень не отлынивает. Уже почти закончил с западным участком», – добавил Ярь.

– Ленился, как обычно. И, конечно, не сам метёт, а наговорами, – я аккуратно свернула первую бумагу и сунула её в пустую трубу. – Дальше пусть берёт южный участок.

«Направлю», – свистнул помощник.

Обители расходились вокруг святилища кольцами. Первое кольцо, разделённое пополам, – беспокойники и неспокойники. Их всегда было меньше других, а внимания они требовали больше. Второе кольцо, шире первого, – обители упокойников и животных. Третье, разделённое на четыре

участка, – сплошные мертвецы: ближе к северным воротам – наши праховые, а остальные – и случайные, и опознанные, и безымянные. А последнее кольцо перед стеной – древний островной лес.

По-хорошему, у мёртвых тоже надо прибратся – опустить вниз невостребованные кости и освободить место, – но у меня никогда не хватало на это сил. Даже зимой. Но с каждым годом нам с посохом становится всё легче работать, так что дойдут руки. Обязательно.

Бумаги одна за другой исчезли в управской тубе. Я навела на столе порядок и позволила себе пять минут просто попить чаю. День пролетел незаметно – сумерки на пороге, – но до ужина я ещё успею разобраться с водяными жилами и фонтанами.

– Ярь, где сейчас Мстишка? – я встала и потянулась.

«Недалеко от дома. Услышишь», – сообщил помощник.

Оставлю посох дома и попрошу Мстишку открыть мне «мост» в обитель животных. Первый год, когда нам с посохом было совсем сложно, подруга разметила всё Красное и без проблем отправляла меня на любой край кладбища.

Искать Мстишку не пришлось: едва я вышла из дома, как сразу её увидела – довольную, растрёпанную, с тонким чёрным посохом под мышкой.

– О, ты тоже здесь, – она удобнее перехватила посох. – Я закончила. Сейчас быстро ужин соображу...

– ...поедим – по домам, – строго сказала я, спускаясь с

крыльца. – Даже не целься на обитель беспокойников. Тебе ещё ночью у себя дежурить. И не спорь, Мстиш. Вот выберешь смотрительскую работу – переходи ко мне, бери звание среднего и работай хоть до беспамятства. По старой дружбе я тебе так упахиваться не позволю.

– Ладно-ладно, – проворчала подруга. – «Мост» нужен?

– Да, на границу между обителями животных и мёртвых, – и добавила: – восточная граница, напротив восточных ворот.

– Да помню я, – фыркнула Мстишка и небрежно чиркнула посохом по каменной тропе. Узкая угольная полоса вмиг вспухла и зачала чёрным. – Я же в детстве больше здесь обитала, чем дома. Каждый угол знаю. Иди. Обратно как?

– Пешком, – я пожала плечами и с иронией добавила: – Прогуляюсь и разомнусь. Дай знать через Яря или запиской, когда всё приготовишь. И сразу же после ужина...

– Зануда, – припечатала подруга и гордо удалилась в дом.

Я нырнула в чёрный туман «моста» и через мгновение вышла посреди утопающей в красно-рыжей листве каменной тропы. И, куда ни глянь, шелестели подвижные горы листвы, уже начинающей подгнивать. А древние деревья, словно издеваясь, неспешно роняли лист за листом, но не облетели даже на треть. И ведь всего-то четыре дня назад здесь убиралась! И вот опять.

Совість моя всё-таки не выдержала. Я опустилась на колени, прижала ладони к тропе и зашептала наговор. Земля лениво всколыхнулась и затащила в свою утробу все листвен-

ные кучи в двадцати шагах от меня. И всё – пока всё. Я решительно заткнула совесть и поспешила к фонтанам. В обители животных обычно тихо – в отличие от людей, звери быстро отдают силу и быстро уходят, не доставляя нам, зрителям, проблем.

Пропетляв тенистыми тропками, я вышла к очередному ракушечному островку – к фонтану с квадратной чашей в окружении увитых плющом склепов. Где так воняло... Точно Зордан подметил – болотом: тухлым, едким. А вода в чаше стала вязкой, потемнела и только что не лопалась болотными пузырями.

Кто бы ни был этот шутник или мститель, какие бы причины ни толкнули его на это... Поймаю и надеру задницу. Да, по-дедовски и посохом. Если бы не вода, я бы уже одну обитель от листьев вычистить успела.

Всего в обители соорудили пять больших фонтанов и с десяток мелких – чтобы умыться жарким летом и воды глотнуть, да и деревьям влажность полезна. Нижних здесь не было – зверьё и так отлично спит. Хвала праху. Отвести воду, почистить от гнилостной грязи чаши – дело получаса. Новую жилу я подвела буквально минут на десять, чтобы смыть остатки вонючей грязи, и сразу же убрала воду под землю. Во избежание. Да и без надобности она пока. И склепы бы проверить...

«Всё в порядке, – свистнул Яр. – Здесь никто не пробудился и не сбежал».

И снова хвала праху...

Сумрак сгустился, и по кладбищу побежали цепочки огоньков. Сначала зажглись факелы на склепах и чаше фонтана, потом – плющ и мох, а следом и в ветвях закрутились алые огоньки. И привычно поползла из-под древних корней красноватая дымка – пока светлая, полупрозрачная, невесомая. А мимо меня пролетела стайка мерцающих красных мотыльков.

Пора заканчивать. Нет, Мстишка не будет ждать, когда я приползу на ужин. Она придёт за мной «мостом» и утащит в дом.

Я развернулась и поспешила к обители мёртвых. Самое то время для боязливой меня – когда высокие могильные холмики окутаны туманом, повсюду зловеще горят красные огни, а тьма с усталостью прижимают к земле. И посох дома. Ладно, Ярь, материковые мертвецы – это совершеннейшие мертвецы, так же? Мне бы своих «старичков»-безумцев бояться, а не этих, которые уже вообще и совсем-совсем...

«Я тут», – помощник вспыхнул алой звездой.

Я улыбнулась и посмотрела на него с благодарностью. И до кольца леса, который отделял одну обитель от другой, добралась очень быстро. Вышла выющимися тропками к обители мёртвых и сразу же, едва вынырнула из-под низких ветвей, услышала знакомый низкий голос.

Сажень тоже что-то напевал за работой – не слишком музыкально, но довольно приятно. А с листвой творилось что-

то непонятное – она взмывала в воздух и исчезала. Целиком. Шорох метлы – облако листьев в небе – и пустота.

– Ярь, а куда они деваются? – прошептала я, провожая взглядом очередное исчезающее облако.

Окружённые деревьями ряды безымянных холмов сразу стали выше, а на земляных маковках отдельных могилочек показались старые медные таблички. На этом участке покоились в основном неизвестные, вынесенные на остров морем.

– А у меня почему не спросишь? – весело поинтересовался Сажен, выглядывая из-за дерева. – Привет, Рдянка. Выходи уже, нестрашно здесь.

– Кому как, – от ищейца ничего не скроешь. – Привет, Саж. Не устал?

– Да ну, – он снова махнул метлой, очищая от палой листвы очередной ряд холмов. – Лёгкая прогулка перед сном. С полезной практикой. Новые наговоры отрабатываю.

– А какие? – я посмотрела на него с любопытством: без плаща, рубаха навыпуск, рукава закатаны – а не мёрзнет ни разу. Тоже какой-то наговор?

Сажен снова взмахнул метлой и с картинной важностью пояснил:

– Притяжения. Всего лишь притяжения.

«И перемещения», – свистнул Ярь.

Я проследила за направлением метлы и поняла:

– То есть мою листву на соседское кладбище перебрасываешь? А ты в курсе, что там – за тем лесом?

– Конечно, – Сажень поёжился. – Чёрное кладбище. Поэтому – нет, Рдяна. Не угадала. Не на соседское. Но – да, перебрасываю. И пусть делают с этим богатством что хотят.

Я закатила глаза:

– Саж, тут есть редкие породы деревьев! Которые растут только на Красном! Меня же соседи со свету сживут! Честно говори, на кладбища листву перегоняешь или нет?

– Нет, на «пустышки», – успокоил он насмешливо. – На необитаемую островную мелочь. Выдыхай.

Я и правда выдохнула. На мгновение.

– А ты в курсе, что твоих мертвецов вот-вот затопит? – Сажень опёрся на метлу и посмотрел на меня серьёзно. Даже слишком.

– Конечно, – собралась я. И с духом, и вообще.

Обитель была устроена просто: три длинных ряда холмов – узкая полоса деревьев, снова ряды холмов – снова полоса деревьев. А среди деревьев – беспорядочно разбросанные чаши небольших фонтанов. Лето у нас недолгое, но всегда очень жаркое и душное.

– Пойдём, покажу, – Сажень развернулся и скрылся за деревом.

Ярь выразительно свистнул.

Ну да, как будто я не знаю тут каждый камень... Я пересекла ряды могил и почти догнала ищейца, который уже целенаправленно петлял среди деревьев, со всех сторон красиво подсвеченный красным. Так, идти нам минут пять...

– То есть на «мосты» для листьев у тебя силы есть, а для себя – нет? – поинтересовалась я.

– Себя перетаскивать тяжелее, – справедливо заметил Сажен. – Сильно тяжелее, чем горку листвы. А спустя десять дней непрерывных прыжков по островам бывает и невозможно.

– Десять дней? – удивилась я.

Ищеец остановился, поджидая меня, и пояснил:

– Этот срок отводится на дополнительную проверку, если что-то не нравится. Если что-то кажется неправильным. Если какие-то доказательства сомнительны или не подходят вообще. Парень, которого мне выдали, якобы ограбил художественную лавку – все его видели и все указывали на него. А сам он утверждал, что в это время рыбачил где-то на мелких безымянных островках. Где – не запомнил, их же здесь сотни, и все похожи. Только направление указал. Да, Рдян, десять дней. И остров с самым чётким и свежим следом я нашёл в последний момент – парень не дурак порыбачить, он за лето на десятках островов наследил. На возврат сил уже не было, да и время поджимало – срок истекал. Хватило лишь на прыжок до твоего острова – с надеждой на известное чудо. И мы с тем парнем очень благодарны тебе за помощь, хотя он о ней, извини, не знает.

– А кто всё-таки ограбил? – с любопытством спросила я.

– Простое дело, – Сажен закинул метлу на плечо. – Громче всех кричит «держи вора!» сам вор.

– Те самые свидетели? – удивилась я.

– Все пятеро. Одним ударом двух мух прихлопнуть хотели. Они все в той же лавке работали, и парень что-то пронюхал. Заподозрил. Но доложить куда надо не успел. И его сбросить хотели, и сбежать потом с островов с деньгами. Лавка-то богатая. До материка – рукой подать. А искать их там никто бы не взялся, – ответил он. – У нас тут своих дел полно, а у материковых ищейцев их ещё больше.

– Засранцы, – подумав, высказалась я, прислушиваясь к плеску воды. Очень сильному плеску – обычно фонтаны поют тише и спокойнее.

Он улыбнулся:

– Да не особые. Могли же и убить. Несчастный случай на рыбалке, просто и обыденно. Сбросили труп в море – и жди три года, когда его на чьё-нибудь кладбище вынесет. Может быть. Парень-то материковый, недавно прибывший, без амулета – силой не пропитался. А так его всего лишь криво подставили, и все живы. Но они хорошо скрыли наговорами свои намерения и запутали следы. Долго готовились и нашу работу неплохо знали.

Фонтан зазвучал громче. Я ускорила, а Ярь уже парил над фонтаном. Оный, круглая чаша на высокой резной ножке, прятался под низкими плакучими ветвями и неизменным плющом. Сажень остановился и отвёл ветви в сторону, пропуская меня.

– Осторожнее, там уже болото, – предупредил он. – Лист-

ву я убрал, а жилу не отвёл, чтобы тебе показать. И он не один такой – я ещё пять переполненных по пути насчитал.

Да, вокруг фонтана образовалось то самое болото. Почва была влажной – накануне несколько дней шли дожди, – и вода, льющаяся из переполненной чаши, расплзлась грязными ручьями.

«Вода чистая», – отметил Яр, покружив над чашей.

– И кое-что в них нашёл, – добавил ищеец.

– Что? – я настороженно подняла на него взгляд.

В пальцах Сажена появилась дырявая медно-рыжая монетка.

– За два года я ни разу не видел здесь ничего странного, – за первой монеткой появилась вторая, точно такая же. – Лишь лёгкий и объяснимый беспорядок. Твой помощник очень старался и водил меня кругами, но я всё равно заметил, как шумно у беспокойников и как воняет болотом в обители животных. Внезапный беспорядок с водой – это всегда подозрительно. Это почти всегда чьи-то гадости. Следы которых, особенно свежие, найти довольно просто.

Ярь виновато засвиристел: да, мол, недосмотрел. И найденные монеты не заметил. Ловко ищеец работает.

Я молча протянула руку и забрала монетки – крупные и холодные, точно из «ледяного» сундука. То есть это не Гулёна. Это кто-то другой.

– Неуместный и непроходящий холод – первый признак пакостного чудотворчества, – в ладони Сажена появилось

ещё пять точно таких же монет. — Три — отсюда, ещё две — из обители животных. В сливах застряли. Почему-то в ваших фонтанах они очень узкие. Расскажешь, в чём дело? Где ещё вода повела себя странно? И когда всё началось?

Глава 4

Перекидывать свои проблемы на чужие плечи я не любила и попыталась увильнуть:

– А что по монетам?

– Мой мастер-чудесник скажет больше, – Сажень подобростил и поймал монетки. – Завтра. Схожу к нему с утра и озадачу. Так в чём дело?

Ну, попытаться стоило...

Я отвела жилу и коротко поведала известное: со вчерашнего дня разная и тревожная вода в нижних или в верхних фонтанах во всех обителях, кроме моего дома, такой же случай на Чёрном кладбище два года назад...

– Я бы у вас покопался, если вы не против, – заметил Сажень. – И у тебя, и на Чёрном.

Фонтаны замолчали во всей обители, а лишняя вода ушла в землю.

– Если есть время и желание, – я пожала плечами. – Но пока это похоже на дурацкую шутку и вроде безвредно.

– Именно что пока, – возразил ищеец. – А знаешь, почему на Чёрном всё ограничилось странной водой и одним днём? И на что это похоже ещё?

Ярь сел на чашу фонтана:

«На что?»

– Почему? – спросили мы одновременно, но услышал Са-

жен, конечно, только меня.

– Потому что на Чёрном толпа зрителей и есть опытный, сильный старший, – прямо сказал он. – Потому что силд Дивнар не будет разбираться, шутка или нет, прикопает – и дело с концом. А здесь вас двое. Всего лишь. Простор. Например, для опытов. Над мертвецами их ставили во все времена. Не удивлюсь, если силд Дивнар на самом деле что-то нашёл или понял, но своим не сказал. Потому-то всё и ограничилось одним днём и одной пакостью. А здесь...

– Повторять необязательно, – я поморщилась. – Напишу силду Дивнару про тебя. Не побоишься? Встретиться?

– Мужик он, конечно, жуткий, но ради тебя – нет, – ослепительно улыбнулся Сажень. – Не побоюсь.

«А зря», – весело свистнул Яр.

Посмотрим.

– А у меня, сам знаешь, копайся где хочешь, кроме склепов и тайников дома. Только уборку закончи, – предупредила я, роясь свободной рукой в кармане куртки. Где-то там точно есть носовой платок... – Ужинать будешь?

– Ещё не заслужил, – ищущий, спохватившись, удобнее перехватил метлу. – Вот убегу обитель... – и после паузы: – А ты проводишь Мстинару... – и честно закончил: – Нет у меня сегодня настроения быть милым и покладистым.

Он что, мои мысли читает? Но вроде никто не умеет – кроме Яря.

– А как ты узнал, что Мстишка здесь? – удивилась я.

– Пение, – пояснил Сажен. – И ветер. Слух у меня всё-таки ищейский. Кстати, твоя подруга уже здесь, слышу её шаги вдоль могил.

«Точно», – подтвердил Ярь.

– Монеты! – требовательно напомнила я, показывая свои. – Что по ним? Не верю, что ты совсем ничего не знаешь.

– Доразломные, – коротко ответил ищейец. – Материковые. Впитавшие огромное количество силы Разлома. И точно из одних рук – и испортил, и сбросил их в воду один и тот же человек. Остальное – завтра. Я плохо снимаю остаточные наговоры с предметов. Пока отдай мне обе – покажу всё найденное мастеру. Завтра верну – может, и вы что-то вспомните.

«Ну, я – вряд ли, я послеразломный, – досадливо сообщил Ярь. – Архивы?»

Я кивнула. Интересно, кто-то из моих предков сталкивался с подобным? Недовольных и пакостных личностей всегда в избытке.

– Всё, я ушёл, – Сажен спрятал монеты в карман рубахи. – Мстише – привет и наилучшие. Передай, не хочу в такое время дома сидеть. Обожаю твоё кладбище ночью.

Вроде и не меня похвалил, но мне стало так приятно, будто меня.

Он успел удрать очень вовремя. Когда я отошла от фонтана, а Мстишка появилась на тропе, ищейца уже и след простыл. Как и Яря – помощник на сей раз решил присмотреть

за Саженом на совесть.

– Сбежал? – насмешливо хмыкнула Мстишка.

– Зато что нашёл!..

– Погоди, домой вернёмся, – перебила подруга, открывая «мост».

За ужином, уплетая густой пряный суп из морских гадов, я рассказала Мстишке о находках в фонтанах. И заодно о желании Сажена покопаться на Чёрном кладбище.

– Ты так ему веришь? Почему? – с подозрением уточнила Мстишка. – А вдруг он сам всё это провернул? И монеты притащил, и остальное? Чтобы потом ещё больше помощи с тебя требовать?

«Он же ищеец», – строго напомнил Ярь.

– Он же ищеец, Мстиш, – повторила я. – Дед рассказывал, у них какие-то жуткие клятвы перед законами. Ни воровать, ни убивать, ни подставлять, ни врать даже, кажется. Иначе амулет, который даёт силу чудесника, ищейца в прах сотрёт. Тебя просто раздражает, что Сажен пролез в семейный тайник и не признался, зачем. А ещё он не влюбился в тебя с первого взгляда, как все парни Нижгорода. И со второго – тоже. И с третьего. И после того, как ты огрела его букетом. Твоё последнее же обычно всегда срабатывало. Обиженное самолюбие, инстинкты охотника и всё такое.

Мстишка презрительно фыркнула и так ожесточённо заработала ложкой, доедая суп, что я поняла: угадала. Она любила повторять, что мужчины лишними не бывают и в хо-

зьяйстве все сгодятся. Сейчас и я признавала, что да. Годятся. И не только для уборки кладбища.

Я неторопливо доела свой ужин и мрачно решила:

– Если Саж найдёт этого... шутника, я с него до конца года ни одной отработки не потребую. Даже если его каждый день с островов и деревьев последним «мостом» снимать придётся. Лишь бы нашёл. Успеешь с отцом поговорить? Или лучше его письмом предупредить?

– Напиши, – подруга отодвинула тарелку. – Он сейчас, поди, уже на обходе, а я вернусь домой и посплю перед ночью. Мне сегодня до семи утра бдеть – мы с папой, скорее всего, разминёмся. Черна передаст письмо, когда он освободится.

Я встала, разлила чай, взяла с подоконника писчие принадлежности и написала силду Дивнару короткое письмо. А Мстишка убрала посуду и достала из шкафчика большое блюдо с пирогами. Я приняухалась и улыбнулась. С морковными. Сажен их всё-таки притащил. А Ярь передал и поэтому упустил тот момент, когда ищеец взялся за поиски подозрительного.

«Но пироги же того стоят, – оправдался Ярь. – И глаз с него больше не спущу».

Ладно, друг. Оно и к лучшему. Может, это чья-то злая и глупая шутка, а может, нечто большее и не столь безобидное.

– «Ледяные» и «холодные» сундуки я тебе едой забила, шкафы тоже, – Мстишка поставила на стол блюдо, проглотила чай и взяла письмо. – Ягодные чаи забрала. Эту мор-

ковную гадость сама ешь – не понимаю и никогда не пойму, что ты в ней находишь. Я побежала. А когда мама пригласит тебя на ужин, будь добра прийти. На полчаса-час кладбище *можно* оставить на Яря. Можно, Рдяна.

– Уговор, – я улыбнулась. – Спасибо, Мстиш.

– Не за что, – отмахнулась она и перекинула через плечо сумку. – Сиди, сама дверь найду. Загляну к тебе через пару дней на чай вечером. У меня выходной будет, выплусь, и потремим. Готовься.

Подруга ушла, а я взялась за пирожки – очень маленькие, с тонким тестом и маринованной в пряностях морковкой. Обожаю. Бесконечно бы их ела. И бесконечно бы чаи гоняла. Но. Я ещё успею почистить от листвы хотя бы обитель беспокойников и святилище. А если в следующие два дня ничего не случится, то дочистю всё кладбище, и у меня будет три-четыре дня на работу с землёй и поболтать. Если, да.

Допиваю чай – и в поля.

Прощально хлопнула входная дверь, и дом сразу опустел. Мстишка ухитрялась так прогревать и заполнять собой пространство, что после неё дом всегда казался холодным и ужасающе пустым. Неуютным. И словно сам гнал прочь. Мерцающее каждым кустом и камнем кладбище даже в осеннюю сырость, даже в дождь казалось приятнее.

Я замочила в чаше посуду, пообещала себе перед сном обязательно её помыть, накрыла салфеткой пироги и сбежа-

ла на улицу, прихватив посох. Так, сначала – обитель беспокойников, потом – святилище, «гнездо» и проверка знаков. То есть вероятный «старичок».

Проснулся или не проснулся, ползет или не ползет, безумным или не очень – это более важный вопрос. Его-то ни на чьи плечи не переложишь.

Убиралась я без посоха – обычными наговорами, прибегая силу, как обычно, на всякий случай. К счастью, и дожда не было, и лишней тревоги у беспокойников. Оные в кои-то веки вообще спали – двое. Лишь Зордан бдел, и, услышав меня, прибежал пообщаться. Узнал об ищейце и монетках, возбудился и умчался прочь. Наверняка обсудить проблему со своими. Опыта, как и славных чёрных нашивок на плаще, у Зордана больше, чем у Сажена, – глядишь, и подсобит.

Закончив с обителью беспокойников, я перебралась в святилище и первым делом залезла в «гнездо». Хвала праху, знаки яркие, свежие – никто за день лишнего не выпил. Но расслабляться, конечно, рано. Седмицу наблюдаем, сказал Ярб. Вот через седмицу, если всё будет как сейчас, и расслаблюсь.

Святилище я чистила почти каждый день – листья ни в коем случае не должны гнить в кругу знаков, это портило силу и нагоняло дурные сны. Защита против посторонних (и людей, и листьев), конечно, на кругу стояла сильная, но ветра нет-нет да затягивали ненужное. То есть работы здесь

немного. Ещё полчаса... и, пожалуй, спать.

«Рдян, тебя ищеец требует», – неожиданно подал голос Ярь.

– Ажно требует? – хмыкнула я, оценивая окружавшую святилище листву. – Как срочно?

«Полчаса подождёт, пока заканчивает уборку в обители мёртвых, – отозвался помощник. – А потом, говорит, если ты не придёшь, он без разрешения в склеп ползет. Чем-то его склеп какого-то упокойника тревожит. Сильно».

– Он уже там? – поразилась я. – Всю обитель мёртвых убрал?!

«Шустрый парень, да? – весело свистнул Ярь. – А ты давно на ходики не смотрела. Вообще-то время к полуночи».

– Но задержалась я удачно, – я открыла «мост». – Ждите. Уберусь у святилища – и к вам. Чей именно склеп его тревожит? «Мостом» идти или пешком?

«Он точно не знает. Просто чувствует, что недалеко, в соседней обители. Давай тогда к нам «мостом», чтобы быстрее».

– Пойду к тебе как к метке, – предупредила я. – Встретимся на границе обителей. Выведи Сажа к упокойникам, но к склепам без меня не пускай.

«Хорошо», – коротко свистнул Ярь.

Я спустилась в святилище и взвесила на руке посох. Удивительно нетяжёлый, хотя не так давно я вскрывала склепы и упокаивала праховых. Вечерний отдых друг от друга пошёл на пользу нам обоим. Но листву лучше собрать наговорами

– благо её немного. Итого неприбранными остаются лишь две обители – упокойников и животных. Ну и кольцевой лес вдоль стены бы почистить, чтобы оттуда ветром не наметало. Живём.

Интересно, что Саж учуял? Неужели взял след тех рук, которые испортили и использовали монеты?

Через полчаса мы встретились у тонкой полосы деревьев, разделявших обители мёртвых и упокойников. Сажен явно нервничал – ходил взад-вперёд по тропе, беспокойно поглядывал на близкие огни склепов и безжалостно истреблял одно лиственное облако за другим. Ярь приглядывал за ищейцем. А полоса леса и видимые окрестности были чистейшими.

– Рдян, я очень извиняюсь, ты же рано встаёшь, – Сажен уничтожил очередное облако и закинул на плечо метлу. – Но меня дёргает новым следом. У нас всегда так: мы находим, обдумываем и, если мыслим в верном направлении, берём след. И уже не можем по нему не пойти. Он не отпустит и достанет.

Я тоже закинула посох на плечо:

– Ярь, давай на ночной облёт. Идём, Саж. Какие у тебя новости?

Помощник исчез в алой вспышке, а ищейка резво рванул по тропе к склепам – я как сразу отстала шагов на пять, так и не догнала. И на ходу громко объяснял:

– Я весь вечер пытался вспомнить, что ещё знаю о моне-

тах, но, чтоб меня, ничего толком не вспомнил. Кроме того, что они доразломные, то есть очень редкие и дорогие. Семь штук, Рдян, это целое состояние. На них можно отличный участок земли в Нижгороде купить и ещё на дом немного останется.

Я чуть не споткнулась. Ого!

– И я чую здесь, на кладбище, ещё несколько таких же. Позже достану, пока не это важно. Важно другое. Кто, по-твоему, будет разбрасываться такими дорогими вещами и использовать их для мелких пакостей?

Я быстро сложила одно к одному – древние вещи и наше направление – и снова чуть не споткнулась:

– Покойники?..

– Именно, – Сажень целеустремлённо запетлял между склепами-ракушками. – Деньги им ни к чему, сокровища, в общем-то, тоже. Для чего им тайники и спрятанные там ценности?

– Когда как, – я с трудом поспевала за ищейцем и уже слегка запыхалась. Посох всё-таки потяжелел, зараза. – Некоторым – чтобы просто спрятать, но вообще всем – чтобы вспоминать. Знаки с отходных столов вытягивают не только силу, но и память. Вот покойники и берут с собой самое ценное. Чтобы не потеряться в беспамятстве после пробуждения и вспомнить хотя бы себя – имя, возраст, ремесло. Жизнь и смерть.

– Значит, для покойников одинаково ценны и золотая

шкатулка, и любимый старый халат, верно? – он замедлился и обернулся.

– Ну да.

– На этой мысли меня сразу прихватило следом. Как всегда, когда чую верный путь. Всё. Пришли, – Сажень остановился у очередной ракушки. – Знаю-знаю, я чужак, и мне туда нельзя. Поэтому, Рдянь, осмотри всё внимательно. И вот ещё... – после короткого наговора-шепотка над его широкой ладонью затрепетал чёрный знак, похожий на ветвистую молнию, – с собой возьми. Не бойся, он безвреден. Но если куда-то ударит – в пол, стену или потолок, – перерой всё. Там разгадка. Или новый след.

Я заметила, как нервно подёргивается его щека, взяла знак – невесомый и щекочущий, как пёрышко, – и осторожно уточнила:

– А тебя отпустит, если я что-то найду? Лично рыться необязательно?

– Нет, необязательно, – ищеец качнул взъерошенной головой. – Важно просто найти.

Я нырнула под навес и прочитала на двери имя – Жалёна Рыд, захоронена двадцать лет назад, причём мамой. Мне тогда исполнилось десять лет, ночевала я уже у деда, но днём хвостом ходила за родителями. И помню, как мама создавала эту ракушку, и даже Жалёну немного помню – плаксивую дородную старую силу.

Бесшумно распахнулась дверь, и я спустилась в склеп –

впервые за долгое время медленно, настороженно и тоже слегка нервно. Хотя всё, казалось, в порядке – факелы на стенах, тишина, слабое мерцание сонных знаков в подземной комнатке. Однако на нижней ступеньке я в очередной раз едва не споткнулась.

Упокойница исчезла. Отходной стол – был. Знаки на нём – свежие и яркие – были. Даже замолчавший фонтан был. А вот силды Жалёны не было. Нигде.

– Ярь, у нас тут... странности, – хрипло сообщила я и села на ступеньку.

Посох вдруг показался таким тяжёлым, что я и сидя едва его удерживала.

Помощник появился сразу в склепе, вынырнув из алой вспышки. При виде пустого отходного стола он изумлённо распахнул багряные глаза, и, клянусь, левый у него слегка задёргался.

– Варианта два, – я стряхнула ищейский знак на ступеньку и обняла посох. – Первый: силду Жалёну навестила родня, причём кто-то из её семьи умело работает с землёй. Силда внезапно пошла прахом, а родня быстро собрала его в кувшин и забрала с собой для захоронения. Знаковый дым над склепом не искрил, поэтому мы ни о чём не узнали. Дед говорил, такое случалось. И то, что родня забывала известить об этом зрителя, тоже. У них же горе – родственник наконец-то по-настоящему умер. Да и не все знают, что нам надо убирать склеп, чистить площадку и сообщать о смерти

покойника в Управу. Дед говорил, родня сама туда сообщала, а ему потом прилетало за недосмотр.

«Помню-помню», – мрачно кивнул Ярь, изучая отходной стол.

– Вариант второй: подземелье. Да, у склепов первого кольца основной вход сверху. Но запасная дверь в подземный коридор и собственно кольцевой коридор, сам знаешь, предусмотрены – на случай тех же штормов, когда по земле до склепа не добраться, а надо. И этот ход – в одном из тайников. Брось стол, Ярь. Проверь тайники силды.

Ищейский знак, словно получив приказ, ожил и заметался по склепу.

«Стол мне тоже не нравится, – хмуро просвистел Ярь. – Силы в знаках слишком много. Их словно вообще не касались».

А это означает лишь одно...

Я встала, подтащила к столу посох и на всякий случай, для проверки, выдохнула короткий восполняющий наговор. Знаки не изменились, а должны бы – подмигнуть, вбирая силу, замерцать ярче. Но нет, они остались прежними. Да, это означает лишь одно.

– Силда Жалёна в какой-то момент проснулась и на отходной стол больше не ложилась, – я признала очевидное.

Так свежо выглядит только новое и нетронутое. Моих знаков, даже с регулярным пополнением, хватало примерно на месяц. И каждый месяц я рисовала их заново. Я обновляла

знаки две с лишним седмицы назад, и в то время силда уже бодрствовала вне отходного стола. Что-то её разбудило, да так, что она отказалась засыпать. Или кто-то.

Надо посмотреть гостевые книги. Каждый посетитель кладбища – даже Сажен, даже Мстишка – отмечался в древней книге. Она, созданная первым смотрителем, сама появлялась рядом с посетителем и не выпускала его с кладбища без подписи. Причём без честной подписи.

Прах, как-то много скапливается всякого странного «надо»...

За моей спиной что-то возбуждённо затрещало.

«Рдян, смотри!» – свистнул Яр.

Знак-молния паутиной оплёл часть стены напротив отходного стола и исступлённо искрил, бил крохотными молниями. Я провела посохом по дверной щели, шепча наговор, и та осыпалась сухой землёй. Знак метнулся в глубокую нишу, заполненную мешками и мешочками, и вцепился в свою добычу – небольшой позвякивающий мешочек. Кажется, с монетами.

– Яр, лети вверх и поддержи дверь открытой, – попросила я. – Пусть Саж сам заберёт этого своего... помощника. А я ещё немного осмотрюсь.

«Одну минуту, – Яр тоже исчез в нише. – Попробую дозваться. Если Жалёна в подземельях, я её услышу. Вообще услышу всякого, кто сейчас не спит, – на двух подземных кольцах точно».

Пока помощник высвистывал неспящих покойников, я прислонила посох к стене и ещё раз внимательно обшарила склеп – отходной стол, пол, стены, потолок, чашу фонтана, тайники и сокровища силды (с каким-то платяным старьём). Каждый угол осмотрела. Понятия не имея, что хочу найти, и жалея, что нельзя впустить в склеп ищейца. Вернее, впустить-то можно, но если он не знаком близко с покойницей, то не продержится здесь и минуты. Хватит ли ему этого времени?

Сажену, впрочем, спускаться было необязательно. Когда я осматривала факелы, в фонтане что-то тихо и знакомо звякнуло. А потом выскочило из чаши, опутанное очередной ветвистой молнией, метнулось вверх и исчезло.

Вероятно, на этом всё.

Свист в нише затих. Ярь выпорхнул оттуда и сообщил: «Только спящие. Даже двое беспокойников».

– Уходим, – я подхватила тяжёлый посох.

Ярь присмотрелся к мешочку и нежно, точно подзывая, засвиристел. Молния дёрнулась, взлетела вместе со своей добычей и исчезла в алой вспышке. Я закрыла нишу, с трудом закинула на плечо потяжелевший посох и побрела к выходу. Склеп пока убирать не буду. Неизвестно, где силда Жалёна. И неизвестно, всё ли я нашла. Надо осмотреть склеп повторно и свежим взглядом.

А наверху Сажен с Ярем уже распотрошили мешочек, и я не удивилась, обнаружив в нём всё те же дырявые медно-ры-

жие монеты. Подозревала это с самого начала – когда ищеец помчался по следу в склеп силды. И ещё одна монетка лежала на скамейке, по-прежнему оплетённая чёрной молнией.

– Ну что? – устало спросила я, поправляя посох.

– Плохо, – Сажен выглядел мрачным и сердитым. – Эти монеты тоже порченые, той же рукой и тем же наговором. И всё, больше никаких следов. Получается, Жалёна пакостила – и наговор её, и монеты, и она же бросила их в воду. Что у тебя?

– Силда не спала на отходном столе две седмицы точно, – хмуро сообщила я. – Или больше. Разбудить её могло что угодно. А мы бы этого не заметили, если она не покидала свой склеп. И силда Жалёна могла испортить воду, используя свой фонтан.

– А знаки в святилище? Их она тоже могла испортить?

«Да», – свистнул Ярь.

– Могла, – кивнула я. – Это же по сути большой отходной стол. Защита не пропускает туда живых, кроме зрителей, зато мёртвые пробираются запросто. А иногда мы их сами туда приводим – когда в покойнике силы через край. Святилище быстрее отходного стола забирает излишки силы и отдаёт больше своей. Силда могла пробраться туда ночью. Но здесь одно «но», Саж, – она там бы и осталась. Уснула бы.

– А если её кто-то туда привёл, а потом забрал – прахом? – предположил Сажен, рассматривая монеты.

– На ночь кладбище закрывается, – возразила я. – И во-

рота, и калитки. И поднимается дополнительная защита. Ни живой не проскочит, ни мёртвый.

«И вообще-то сначала у нас с водой проблемы случились, а потом знаки опустели. Вечером – вода, сегодня утром – знаки, – напомнил со спинки скамейки Ярь. – Теперь мы знаем, отчего проснулись покойники, так что вчерашние странности со знаками отменяются».

Ну да. Я-то забеспокоилась, решив, что сила в знаках святилища иссякла, поэтому столько народу разом проснулось. А оказалось, нет: со знаками всё в порядке, и дело в испорченной воде. Которая, кстати говоря, могла и «старичка» в тот же вечер растревожить – в глубинных склепах тоже есть крохотные фонтаны (сейчас, естественно, уже все замолчавшие). Вот «старичок» и глотнул ночью силы, чтобы снова уснуть.

Да, похоже на правду.

Я объяснила это Сажену, но по недовольному лицу ищейца поняла: его что-то не устраивает. Он что-то ещё чувствует, но что именно, пока не понимает.

– Ладно, – Сажен ссыпал монеты в мешочек. – Остальное завтра. Пришли мне адрес родственников силды, поговорю с ними утром. На кладбище же её, как я понимаю, нет.

– Нет, – я досадливо поморщилась и глянула на ищейца искоса: – Только ты... как-нибудь осторожнее поговори. Иначе мне от Управы достанется за недосмотр. Сбежавший покойник – это серьёзное нарушение. Хотя все знают, что

с кладбища они сбежать не могут – защита не выпустит, – но за недосмотр всё равно наорут. И проверку какую-нибудь устроят. А мне и так некогда.

– А сместить могут? – он нахмурился.

– Потомственных – нет, – я качнула головой и снова поправила на плече посох. – На нашу кровь тут много чего завязано – и защита кладбища, и постройка склепов, и работа святилища. Смотрители, конечно, все немного друг другу родственники, но разбавленная кровь – это не родная. Пока есть хоть один, кто продолжает род первого – в моём случае красного – смотрителя, его не сместят. Но жизнь испортить могут. И обеспечение урезать.

– И всё же кто-то зачем-то здесь пакостит, – задумчиво заметил Сажен. – Если бы кто-то хотел получить твоё место, пакости были бы объяснимы. Да, испортить тебе жизнь, нажаловаться в Управу – и перехватить должность. Но раз нельзя...

– Нельзя, – твёрдо сказала я. – Меня отсюда не выпустят, даже если сама захочу уйти. Даже если совсем работу заброшу. И никому не позволят передать посох. Разве что мужу, но и тот должен стать для Красного своим. Работать здесь смотрителем может любой, кому Красное по душе, но взять родовой посох – только родной кладбищу чудесник. Или кровью родной, или духом. А без посоха сила старшего не раскроется, и управлять кладбищем будет трудно.

Не говоря уж о том, что посох надо приручать. Он тоже

кому попало в руки не дастся. Только *своему*.

– Подумаем, – подытожил ищеец. – Понаблюдаем. Совершенных преступлений без следов и проколов не бывает. Все оступаются. Все следят. Найдём, – и ободряюще улыбнулся.

– Надеюсь, – тихо отозвалась я. – Поужинаешь?

Хотя больше всего мне не гостеприимную хозяйку изображать хотелось, а упасть и уснуть. Даже прямо здесь, на лавке у sklepa.

– Нет, побегу в город, – обрадовал Сажен. – У тебя и без меня развлечений хватает. Но спасибо. Адрес не забудь.

– Силд Дивнар предупреждён, – вспомнила я.

– День обещает быть нескучным, – ищеец отчего-то повеселел. Достал плащ, распахнул по карманам находки и попрощался: – Тихой ночи, Рдянка.

Вот да. Сейчас меня хватит в лучшем случае на пару «мостов».

– Доброй, Саж. Спасибо за уборку. Я думала, ты пару участков выметешь, а ты всю обитель...

– Это ерунда, – перебил он, одеваясь. – Ты на меня больше сил тратишь. И нравится мне здесь, особенно ночью. Убираться – тоже. Сегодня две интересные зацепки по старым делам нащупал. Я, знаешь, даже жду иногда...

– Ждёшь? – посох внезапно полегчал. Даже иначе его перехватить захотелось. – В смысле?!

– Не в том, – заверил Сажен, застёгивая плащ. – Я не нарочно. Нарочно я тебя никогда не дёргаю, только в крайних

случаях. Честно, Рдянка. Силой клянусь.

Посох снова потяжелел.

– Если тебе опять понадобятся зацепки, просто приди и скажи: дай участок и метлу, надо подумать, – хмуро сказала я. – Ярь, проводи. И потом закрой кладбище.

Сажень снова торопливо попрощался и туманным призраком утёк в багряную ночь. Ярь метнулся следом. А я закрыла склеп и побрела домой. Пешком. Ибо.

Небытие, а давай мы всё-таки сегодня снова поспим, а? Ну пожалуйста! Пошуршим за чаем в адресных справочниках – и до утра...

Давай?

Иногда Небытие нас слышит – через тех, кого мы успешно проводили в покой. И если нынче ночью никого из умерших не пометит Красным кладбищем и не отправит сюда, значит, мне несказанно повезло быть услышанной и понятой.

Так, адрес семьи Жалёны, чай, постель...

Куда же она запропасться-то могла? Не может покойник сбежать с кладбища. Не может!

Или всё-таки может? И есть что-то, о чём мы не знаем – потому как прежде ничего подобного не случилось? Дед любил напоминать, что кладбища живые, и, как и всякая жизнь, они растут и развиваются. И удивляют – новыми явлениями.

Оно ли это – новое? Хоть бы оно, а не чьи-то пакости...

Глава 5

Утром я первым делом навестила святилище и расслабилась – знаки изменились, но незначительно. Никто лишнюю силу из них не вытянул, что радует. «Старичок» в нынешнем беспорядке мне точно не нужен.

Ярь облетал кладбище, и пока он не озадачил меня очередными (в лучшем случае) праховыми, я решительно занялась уборкой двух последних обителей. Заодно окончательно проснусь и обдумаю вчерашнее. И хоть одно «надо» со своих плеч сброшу – на три-четыре дня, но и то хлеб.

Сегодня в кои-то веки распогодилось – ни дождя с утра, ни мороси, ни густого тумана, ни даже туч. Солнечные лучи путались в густых ветвях и вызолачивали сухую листву, прогоняли туман и теневыми узорами расписывали тропы. И так почти по-летнему припекали, что уже через час уборки я сняла куртку, оставшись в рубаше и длинной, до середины бедра, багряной жилетке.

Я переходила с участка на участок, вычищая обитель животных, убирая листву, а думы думались, выстраивая в ряд события. Исчезнувшая с месяц назад упокойница. Встревожненное Красное. Порченная вода. Проснувшиеся. Опустевшие за ночь знаки. Доразломные монетки в сливах фонтанов. И снова – исчезнувшая упокойница.

Жаль, мой мозг, перегруженный бытовыми «надо» и веч-

но невыспавшийся, не сразу вспомнил, что фонтаны есть во всех склепах, на всех подземных кольцах... И не сообразил, что вода может потревожить вообще всех спящих, включая самых старых. Да, вчера я осушила все фонтаны на острове. Но поздно. И что делать со склепами на мелких островках?.. Или хватит того, что Сажень своими поисковыми наговорами отовсюду вытянет монетки с порчей?

Хоть бы хватило – и хоть бы вытянул...

И как защититься от них потом? Любая же обиженная сволочь может бросить монетку или иной предмет с порчей в слив своего домашнего фонтана, придать ей нужное направление наговором... И всё. Вода доставит порчу на место.

Или – не всё? Многие ли владеют столь сложными наговорами? Это же не «из ладони в ладонь». Мы, потомственные чудесники, тот же «из ладони в ладонь» не один год учим и практикуем, чтобы записка прилетала точно по назначению. А вот такое – по длинным и разветвлённым водяным жилам из фонтана в фонтан? И в какой фонтан – в подземный. В склепе.

Многие ли знают, что в склепах есть фонтаны? Да, мы, зрители, знаем. Покойники знают. И очень немногие простые люди. По правилу «Не тревожить спящее почём зря» мы гостей в склепы не пускаем. Если покойник не спит и готов пообщаться (и в очередной раз попрощаться), он поднимается наверх. А если нет – то нет, гости уходят без общения. Знали лишь те, кто спускался в склеп на опозна-

ние, прощение (если покойник буйствовал при захоронении) или за завещанными (изредка) сокровищами.

То есть силда Жалёна. Всё-таки это она портила воду. И нужный фонтан под рукой, и силы в ней хватало: двадцать лет спячки – это признак очень сильного при жизни чудесника.

«Я вчера прочитал её дело – ремесленница наша силда. Творила амулеты, в том числе и для ищейцев», – просвистел Ярь.

Он закончил облёт и теперь шуршал по соседству, теми же простыми наговорами сгоняя листву в большие кучи. Которые я потом разом уберу под землю. А более сложные наговоры, да, требовали силы посоха.

– То есть силы в ней море, – мрачно кивнула я, утапливая в подвижной земле очередную гору листвы.

«Если не океан, – подхватил Ярь. – Значит, мы о побеге узнали бы быстро. Без сброса силы покойники сходят с ума, и чем больше в них силы – тем быстрее захватывает безумие. Нет, Рдяна, если она и ушла, то либо прахом, либо в подземелья. Но я вчера просвистел несколько подземных колец – нет там неспящих. Скорее всего, прахом».

– И как ремесленница она могла создать амулеты с порчей из своих монет, – я встала и пошла на следующий участок. – И монеты есть, и силы завались. Зачем только?.. И она же упокойница, а они тихие. Спят да спят.

«И не привлекают внимания, – досадливо свистнул Ярь. –

А тихая заводь – раздолье для гнуса».

– Значит, силда Жалёна, – повторила я, снова опускаясь на землю.

«Вероятно, не только. Не забывай – на Чёрном кладбище тоже были проблемы с водой, – напомнил помощник. – Силда Жалёна сделала – да. Но не она наш шутник. Если Сажень найдёт монеты у соседей, то силда – всего лишь орудие в чьих-то руках. Очень удобное орудие – следы мёртвых остывают и стираются быстро. Повезло, что Саж так вовремя заглянул на отработку и не постеснялся покопаться в наших странностях».

Прах, вот же голова моя дырявая... И у нас, и на Чёрном кладбище были не просто проблемы с водой – они одинаковые до мелочей.

– А ты знаешь, как можно использовать покойника? – мой голос предательски дрогнул. – И кто может его использовать – кроме нас? Они же под клятвой послушания смотрителю и кладбищу – все до единого. Как они могут нам вредить, Ярь? Как?

«В безумии могут, – тихо и почему-то виновато ответил помощник. – Безумие или рвёт, или сильно ослабляет любые пути. Любые клятвы. Случалось, безумцы почти сбегали с кладбища».

– Почти? – очередная часть листвы ушла под землю, и я встала. – И что с ними случилось? Дед вроде что-то про это говорил...

«Защита стирала в прах, – пояснил Яр, с шуршанием поднимая новое облако листвы. – Многовековым опытом твоих предков подтверждено: ни с одного кладбища ни одному покойнику сбежать невозможно. Подземелья – замкнутые кольца, и выход из них всего один – подвал дома. Каждый участок стены, пола и потолка в защите. Попробуют взломать – защита сотрёт в прах. Ни в одном покойнике никогда не будет столько мощи, как в потомственном хозяине кладбища. Защиту твои предки ставили на совесть. А в прямом столкновении даже ты будешь сильнее любого «старичка». Даже сейчас. За счёт их клятвы послушания и силы родной земли».

Я кивнула. Знаю. Боюсь, потому что опыта нет, но справлюсь. Выбора-то не будет.

«Но напакостить могут, да, – со свистящим вздохом признал помощник. – Сама же видела: беспокойники дерутся – и кусты ломают, и скамейки. Значит, воду портили слабыми наговорами, если кладбище их не заметило. По силе они вроде тех же сломанных скамеек. А на такое и разумные покойники способны. Тот же Зордан, вспомни, половину обители покрушил, пока смирился со своей смертью».

– Зордан – да, – я невольно усмехнулась. – Злобный и буйный был...

– ...в прошлом, – раздалось из-за моей спины весёлое. – Но я хорошо поработал над собой и продолжаю работать каждый день. Моё почтение, силды смотрители. Радует по-

годка, а?

Рыжий беспокойник подкрался тихо и для меня незаметно. И я едва не упустила мысль. Кивнула Зордану и обеспокоенно подумала: «Ярь, то есть прах силды где-то на Красном? Если её спалило защитой?»

«Должен быть, но его нет, – уверенно просвистел помощник. – Я первым делом об этом вчера подумал и всё проверил – до восьмого подземного кольца. Нет нашей Жалёны на Красном – ни телом, ни прахом».

Час от часу не легче...

Я потёрла поясницу, повернулась к Зордану и намекнула: – Силд, а не далеко ли вы забрались?

– Брось, Рдянка, мы давно гуляем где хотим, – осклабился он. – И ты прекрасно об этом знаешь. Но я не подразнить тебя пришёл, нет. Я, понимаешь ли, вчера перед сном случайно кое-что подслушал...

– ...случайно же прогуливаясь по обители упокойников... – я выразительно подняла брови.

– Ей-ей, не нарочно, – закивал Зордан слишком уж усердно. – Но по кругу ходить не будем, да? Жалёна испарилась? – Лучше и не скажешь, – проворчала я.

Оперлась на посох и огляделась. Меж деревьев краснели (плющом) очередные ракушки – но уже более крупные. Склепы для зверей, как и навесы, были меньше человеческих, а значит, я успешно убрала треть обители (в длину). Впереди – обитель упокойников, но туда идти пока рано.

«Я закончил», – доложил Ярь.

Слева – ракушки в тени деревьев и чистая земля в проплешинах сухой травы, а справа – покуда хватало взгляда огромные, но аккуратные горы листвы. А за ними – снова небольшие ракушки в окружении красно-рыжих деревьев и сеть мелких тропок.

– А давай помогу, – предложил Зордан, потирая руки.

– По закону вас и ваш труд использовать нельзя, – я перехватила посох и отправилась вперёд, на последний участок первой трети обители.

– Вот и зря, – осудил беспокойник, следуя за мной. – Мы бы силу на полезное дело тратили, а у вас было бы больше времени на другие дела.

– А вы и так её на полезное дело тратите, – возразила я. – Ваша сила питает и Красное, и защиту, и нас.

– Ты же понимаешь, о чём я, – Зордан не отставал – во всех смыслах этого слова. – Ну? Давай помогу. Никто не узнает. Мы никому не скажем, а Ярь вообще говорить не может.

«Смешно, – сухо свистнул помощник. – Если что, Рдян, покойников рядом нет. Живых – тоже».

– Ладно, – сдалась я. Очень уж хотелось закончить с уборкой этой обители до обеда. – Делайте что хотите.

– Так Жалёна испарилась? – вернулся к прежней теме Зордан и зашептал наговоры.

И так же, одна за другой, начала испаряться наметённая

Ярем листва, – земля, подрагивая и тихо урча, с шелестом втягивала в свою утробу горку за горкой. М-да... Ничего-ничего, когда-нибудь я тоже всё это освою – и с посохом, и без.

– Жалёна не только испарилась, – я вернулась к своему участку. – Именно в её тайнике хранилось то, что испортило вашу воду.

– Доразломные монеты, – блеснул осведомлённостью бывший ищеец. – А они есть в описи Жалёниных вещей? Или нет? Или монеты ей кто-то принёс – тот, кто не оставил своих следов?

Ярь? Я вчера упустила этот момент.

«Нет, монеты Жалёне принесли», – уверенно свистнул Ярь.

Мы подобрались к самому интересному.

– Вы, покойники, оставляете следы? – прямо спросила я. – Те, которые нужны ищейцам? Что это вообще за следы, силд?

– Душа следит, Рдяна, – серьёзно ответил Зордан. – Душа следит не хуже тела. Намерения – вот что чувствует ищеец. Желания, нужда, потребности, намерения – всё это оставляет следы, как ступни на песке, как ладони на дверной ручке. Вот пришёл, допустим, человек в лавку одежды, захотел дорогой плащ, задумал его стащить – и уже этим наследил. И в лавке, и на плаще останутся следы его намерений. Ищеец их почует как запах, увидит как отпечатки. И быстро дойдёт по этому следу от лавки до плаща.

Я закончила с последним участком, закинула на плечо посох, и мы с Зорданом перебрались на следующий, к центральной тропе, справа от которой, в зарослях, уже вовсю шебуршал Ярь.

– Но это простой случай, – беспокойник снова занялся наметёнными кучами листвы. – Есть и сложные. Но любой можно распутать, любого преступника можно найти, если понять его намерения. Как только ищеец чует верное направление чужих желаний и мыслей, он тут же видит следы – и следы потянут его за собой. Даже силком. Даже посреди ночи и в одном исподнем. Даже на необитаемые острова. Даже на ближайший материк. Даже в защищённый тайник.

...силда Дивнара, слышалось в недоговоренном. Ну точно, не бывают они бывшими, пронюхал как-то про эту историю. И про исподнее – снимала я как-то Сажена с очередного «дерева» в одних подштанниках.

Я невольно усмехнулась, а Зордан подмигнул и предложил:

– Что касается нас... – беспокойник насупился. – Душа-то с намерениями у нас остаётся – значит, следим. Но намерения уже не те – слабые. Вот если бы кто-то ожить возжелал – вот это был бы мощный след. А всё остальное по сравнению с этим меркнет. Потому и следы получаются слабенькие. Недолговечные. След же подпитывается намерением. Жаждой действия. Удовольствием от дела. Мечтой попутной. И, кстати, есть среди покойников те, кто не следит совсем. Это

звери, Рдяна. У зверей нет своих намерений, но есть верность хозяину и его приказу – даже после смерти. Мёртвые питомцы – самые опасные из нас.

Я слушала и убирала листву с одной стороны тропы, вычищая землю у ракушек, деревьев и скамеек, а Зордан исправно «испарял» очередные горки, наметённые Ярем, со второй стороны. Говорить вслух одно и повторять мысленно наговоры – это жутко сложно. Но я тоже это обязательно освою. Ибо полезно.

– Вот ещё примеры, Рдянка. Допустим, за седмицу мы находим на одной улице трёх девиц, которых насильничали и задушили. И, допустим, за седмицу в одной хлебной лавке пропадают ватрушка, медовая слоёнка и бублик. Какое дело сложнее распутать? – светлые глаза бывшего ищейца хитро сверкнули.

Я подумала, вспомнила о намерениях и поняла:

– Сдобу.

– Почему? – заинтересовался Зордан. Искренне – словно проверял, гожусь ли я для ищейской работы.

– Это же не еда, а лакомство, и стоит полмедяка. Можно себе позволить, если только не запрещать из-за, например, лишнего веса, – предположила я. – Нет намерения ни купить, ни украсть. Просто рука взяла и стащила любимое, пока голова запрещала. А раз нет намерения или оно слабое, то и следов нет или они слабые.

– И так же сложно распутывать случайные убийства, – бес-

покойник одобрительно улыбнулся. – Когда человек защищался – с намерением выжить и сбежать, а не убивать. Когда он отвернулся, а его пёс сорвался с поводка и загрыз прохожего. И тому подобные случаи. Они следов души не оставляют – иногда вообще. Тут нам в помощь только собственная голова, внимательность и следы тела. Все преступления покойников – примерно такие, Рдянка. Намерений или нет, или они слабые. Следов тоже или нет, или они слабые. Но бывает – изредка, если как в последний раз, – и сильные, и долговечные. Интересно, как Жалёнка наследила.

– Не знаю. Вы же лучше во всех этих намерениях разбираетесь. Вот и разбирайтесь... – и я запнулась, понимая кое-что ещё. Встала, опёрлась о посох и прищурилась: – К чему всё это, силд? Зачем вы пришли сюда на самом деле?

– Покажи мне склеп Жалёны, – прямо сказал Зордан. – Живого ты туда не проведёшь, если не родственник или не близкий друг, а мёртвый за тобой пройдёт. И у меня даже будет несколько минут для работы. То, чего не нашла ты, найду я. Покажи, – в светлых глазах загорелся огонь.

Очень нехороший огонь – лихорадочный. Зловещий признак.

– Нет, – я качнула головой. – Мне нужна ваша помощь, да, силд, но – нет. Знаю, вы считаете меня недостойной должности – и возрастом мала, и силой, – но не забывайте, что я здесь выросла. Я наблюдала за покойниками с пелёнок и хорошо вас изучила. Если сейчас я пушу вас в склеп, знаете,

что будет потом? Знаете, но рвётесь. Это сильнее вас – жажда дела. Оттого вы, чрезмерно деятельные, и становитесь беспокойниками. Непокойники не могут не думать, их мучают бесконечные вопросы и тревожные мысли, а вы не можете не делать – даже после смерти.

Зордан явственно скрипнул зубами.

– Сейчас, – продолжала я спокойно, – я пушу вас в склеп. И независимо от итога – учуете или нет, найдёте или нет, – вы начнёте искать. Растревожите по привычке ищейскую силу. Да выхода ей без амулета нет. И она сведёт вас с ума. Нет, силд. Если хотите помочь – бдите. Гуляйте. Замечайте. Вспоминайте. Объясняйте. Делитесь опытом. К большему я вас не пушу. Я и так рискую, позволяя вам наблюдение.

– Хочешь помочь – не мешай? – криво усмехнулся Зордан, и от очередного его злого наговора дрогнула земля.

– Я очень хорошо вас понимаю, силд, – я подхватила посох и отправилась на следующий участок. – Вы прикованы к смерти, а я прикована к кладбищу. А может, я другим хочу заниматься. Может, я с землёй хочу научиться работать, в Нижгород хоть иногда выбираться, хорошего парня встретить и семью создать, а не за вами по всему кладбищу бегать. Но я делаю то, что должно по судьбе. И вам следует делать то, что должно.

Зордан разом сдулся и тихо повинулся:

– Извини, Рдянка. Ну... не подумал.

– А вот подумайте, – сухо посоветовала я. – Это неспо-

койникам думать опасно. А вам очень даже нужно. О судьбе. О смерти. И о важности послеобеденного сна.

Насмешка судьбы: одни и рады бы не спать сутками и браться за любое дело, но нельзя; а другим позволить бы себе пару дней просто почитать или выспаться, а нельзя. То ли издевается судьба, то ли всё-таки поучает...

– Намёк ясен, – хмыкнул беспокойник. – Но коль начал и до обеда далеко, помогу. Это же тоже сброс силы.

Дальше мы убирались в молчании. Я обдумывала узнанное, а Зордан просто наслаждался делом. Так мы быстро вычистили от листвы вторую треть, снова добравшись – уже с противоположной стороны – до обители упокойников.

Бывший ищеец тоскливо посмотрел на ракушки, вздохнул и пробормотал:

– Грядёт что-то, Рдянка, чуйкой клянусь... Чует она – до сих пор.

– А что именно чует, не подсказывает? – уточнила я.

– А пёс её знает, – Зордан пожал плечами. – Мёртвым я не могу взять след, увы мне. Ты права. Без амулета ищейца... не моё это дело. Но Красное никак не уймётся и очень уж тревожное. Даже больше, чем пару дней назад.

И я это ощущала – чем больше прикасалась к земле, убирая листву, тем сильнее ощущала беспокойство (или всё-таки зов?) кладбища.

– Ну и ещё я чую «мост», – беспокойник по-собачьи повёл носом. – И силда Дивнара. Поэтому извини, Рдянка, но

дальше сама. Кстати, мы тут посоветовались с ребятами и решили, что никого подозрительного на кладбище не видели. Одни и те же каждый раз ходят вот уж лет пять как. Но мёртвого, скажем, мелкого пса мы могли и не заметить. А кладбище же для всех открыто, когда оно открыто. Одинаково. И для всех ли звонят наши колокольчики? Нет. Они лишь для гостей. Так-то. Бывай.

И он с шуршанием скрылся в кустах. Земля смачно поглотила очередную гору листвы. Я посмотрела на солнце и поняла, что не успеваю до обеда убрать обитель: да, сначала кажется, дел немного, а как закопаешься – так на пару дней. Я торопливо нырнула под низкие ветки деревьев, перешла на следующий участок и едва успела убрать и свою листву, и наметённую Ярем. В нескольких шагах от меня, возле замолчавшего фонтана, за клубилась тьма, извергая чёрного-чёрного человека.

Силд Дивнар, и верно, выглядел пугающе. Высоченный – мы с Мстишкой едва допрыгивали до его плеча, – и огромный, как медведь. И столь же косматый – густая грива чёрных с проседью волос ниже плеч, усы и аккуратная борода. Довершали образ крупный крючковатый нос, раскосые тёмные глаза, смуглая кожа и традиционно чёрная одежда – штаны, распахнутая в ворота рубаша, расстёгнутый плащ до колен. И столь же безобразный, как и у меня, чёрный посох. Который, впрочем, соотносился с размерами силда и в его крупных руках не казался ни тяжёлым, ни огромным, ни (по-

чему-то) несуразным.

Старший смотритель Чёрного кладбища не был ни потомственным, ни кровнородственным смотрительским семьям, ни даже островным. Урождённый материковый, он полжизни проходил по морям торговцем, а потом заглянул на кладбище провести умершего друга – и остался навсегда. Силда Смоляна шутила, что вышла за него из-за чёрной-чёрной, под стать родному кладбищу, внешности. Что, конечно, неправда. За жутковатой личиной скрывался добрый, отзывчивый и терпеливый человек. Крайне терпеливый – но из тех, которые сначала терпят, а потом молча убивают. Мы, я и его дети, выжили лишь потому, что нас силд Дивнар очень любил.

– Ну что, Рдянка? – он улыбнулся. – Перерыв? Иди обниму.

Я, малодушно уронив посох, со всех ног ринулась обниматься. Уткнулась лбом в широченную грудь, нырнула руками под плащ. И, как в детстве, окунулась в удивительное тепло и чувство безопасности.

– Устала? – мягко спросил силд, наклонился и поцеловал меня в макушку. – Может, тогда и ну её, эту твою гордость, а? Рдянка? Давай я тебе Черема в помощь выдам. Мстишу не дам, больше болтать и чаи гонять будете, чем работать, а Черем всегда готов. Бери.

Черем – самый младший и самый шепутной из его сыновей. Единственный (из них же) бессемеиный («...ибо бал-

бес», – порой вздыхал отец) и очень деятельный парень. Всего на год старше меня и на два с половиной года старше Мстишки, он вырос вместе с нами и потому...

– Тоже больше болтать будем, – фыркнула я весело. – Черем пока все новости и сплетни Нижгорода и Сонных остров не перескажет, не успокоится, вы же знаете.

– Ибо балбес, – привычно проворчал силд Дивнар. – А у тебя одни и те же отговорки. Вся в деда. Чем и гордишься, знаю-знаю. Ну, давай тогда кое-что обговорим, да за работу.

Мы сели на бортик фонтана, и первым делом силд, вскинув свой посох, притянул оброненный мой. Я, покраснев, перехватила его, пристроила у бортика и пробормотала:

– Спасибо...

– Мы тоже по тебе скучаем, – силд Дивнар обнял меня за плечи. – Соберись уже к нам на ужин. В любой момент. Живём в паре часов ходьбы друг от друга, а видимся раз в сезон – ну не стыдно ли? Нас к себе ты не зовёшь – некогда и совестно, что угостить нечем, да и готовить на такую ораву некогда. К нам редко ходишь, потому как в делах по уши. Но ты же так совсем одичаешь, Рдянка.

Говорить в лоб правду, даже неприятную, у Мстишки от отца. Как и единственное среди его детей «нечёрное» имя. Дочка – любимица. Ну и я заодно. Могу позволить себе возмутиться.

– Дядя Див, не давите на больное! – я взъерошилась. – Лучше толпу помощников нагоните – не из ваших. Поче-

му-то на Красном никто не хочет работать. Или всё-таки у меня.

– Нет, именно на Красном, – он покачал головой. – Дед твой своим крутым нравом давно распугал всех желающих. Тебя в том же подозревают, вот и не идут. Я своим каждый сезон предлагаю перейти к тебе, но сразу в ответ слышу: нет, они или на Чёрном, или завязывают с кладбищенской работой. Не обессудь, Рдянка. Рад бы помочь...

– Да ладно, – я прижалась к его боку. – И на том спасибо. Мы с Ярем уже привыкли. Помогаем друг другу – на том и стоим.

Ярь появился в воздухе и приветливо засвиристел.

– А Красное помогает вам, – силд Дивнар улыбнулся Ярю и притопнул ногой. – Оно зовёт, Рдянка. Созывает помощников. Это хорошая новость. А плохая – ему страшно, и на подмогу оно зовёт от страха. Чёрное так же боялось, когда наш дед уходил, – что достойного не найдётся. Привыкло к сильному чудеснику. Мы-то, молодёжь, ему слабыми казались. Чёрное тогда столько помощников нагнало – еле-еле на обучение время нашли. Но когда Смоля передала посох мне, кладбище успокоилось. Почувствовало и признало во мне необходимую силу.

– Грядёт что-то, – повторила я за Зорданом. – Нехорошее. Силд Дивнар задумчиво кивнул:

– Согласен. И это не пробудившийся «старичок», Рдяна, нет. Зачем кладбищу «старика» бояться, которого ты

двумя-тремя наговорами упокоишь? Любой «старик», даже древний и безумный, связан клятвами послушания. Он не сможет ни сбежать, ни навредить зрителю. Сильно – не сможет. Изматывает. Покрушит кладбище. И всё на том. Да, безумие ослабляет клятвы, но лишь ослабляет. Рвёт напрочь – крайне редко. Вот если пробуждение случится днём, если на кладбище будут посетители – это опасно. Даже сильных чудесников безумец убьёт без труда. В остальном мы с ним справимся быстро и без больших проблем. И ты на своей земле сильнее любого безумца, и я всегда помогу. Нет, это не «старичок». Это нечто иное. И весьма неприятное, если после ухода твоего деда Красное чувствовало себя защищённым и не тревожилось.

«Мы справимся» согрело душу, а «весьма неприятное» насторожило.

– Вот да, дядь, – согласилась я. – Пять лет Красное не переживало, что за ним присматриваем всего-то мы с Ярем – дух и зритель, которому ещё далеко до звания старшего. Мне, честно говоря, не по себе.

– Разберёмся, – пообещал силд. – Теперь к монетам и покойникам. Ищеец твой утром покопался на нашем кладбище и обнаружил то же, что и у тебя. Две чёрные доразломные монеты. И пропавшего покойника, – он досадливо фыркнул и буркнул: – Найду я когда-нибудь время и придумаю оповещалки вроде колокольчиков – для праховых. Чтобы мы сразу слышали, что кто-то прахом пошёл. Чтобы никого тайком

из склепа не вынесли.

– Давно пропал? – я подняла на него глаза. – Кто?

– Тоже женщина и упокойница, – мрачно ответил силд Дивнар. – Её тайники пусты, но Сажен по двум монетам пришёл строго к склепу пропавшей и заявил, что они оттуда. Годный парень, – добавил вдруг одобрительно. – Дело знает. Следы покойника стёрлись, но остались следы порчи и вложенной в неё силы, а это долговременный след. Сильнее намерений. И монеты ищеец сразу обнаружил, хотя мы давно их в землю втоптали. К счастью. Остальные, портившие воду, наш шутник явно забрал по той же водяной жиле. А как давно упокойница пропала, уже не понять. Скорее всего, во время порченной воды, то есть больше двух лет назад. И её ни разу не навещали – парни по гостевой книге проверили. Одинокая старуха. Зря мы тогда ищейца не позвали... – он шумно выдохнул. – Подумали, мстит кто-то недовольный. Сами разберёмся. А потом – тишина. И мы об этом случае забыли.

– Я свою гостевую книгу ещё не смотрела, но доберусь, – я убрала за уши пряди растрёпанных волос. – В склепе пропавшей ничего подозрительного не было?

– Это то, зачем я ещё пришёл, – силд Дивнар встал. – Пойдём-ка, склеп покажешь. У нас-то всё – поздно, а у тебя ещё можно что-нибудь найти. Не успели следы затереть. Не должны.

– Вообще-то с утра кладбище открыто... – я запнулась.

«А я слежу, – серьёзно свистнул Ярь. – Сегодня у нас посетителей точно не было, и за склепом Жалёны я присматриваю отдельно».

– Молодец, – я улыбнулась и встала с бортика.

Силд Дивнар огляделся, вонзил в землю посох, и от него поползли ручьи чёрного тумана.

– Начинай возмущаться и кричать, что ты сама, – ухмыльнулся он.

Ручьи разбежались по обители, и из глубины леса послышался громкий жадный хруст – туман набрасывался на опавшие листья, стирая их в прах.

– Не буду, – я беспомощно улыбнулась. – Спасибо вам, дядь Див.

– Удивила! – силд Дивнар рассмеялся. – Растёшь! Номер склепа какой?

– Четыре тысячи пятый, – я закинула посох на плечо.

– Та-а-ак, – он легко выдернул свой посох из земли, и туман вмиг рассеялся. – Поверишь ли, наша пропажа из четырёх тысяч шестого. Твоя лет двадцать назад захороненная?

– Да, ещё мамой, – кивнула я, ощущая, как внутри всё тревожно сжимается.

Шестое кладбище – четыре тысячи шестой склеп, Пятое кладбище – четыре тысячи пятый склеп... Нет, это не совпадение. Это пометки, но явно не для нас. Для себя – чтобы не запутаться в этих тысячах?..

– Вперёд, – силд открыл «мост».

Ярь, доселе молча крутившийся поблизости, исчез в алой вспышке, а я – в дымке «моста». И, честно говоря, подозревала всякое – что склеп испарится вслед за упокойницей, что его разрушат, что каких-нибудь зловредных ловушек nastавят... Но – нет. Ракушка-навес стояла на месте нетронутая, и в склеп мы спустились без проблем. Ярь уже порхал под потолком, озаряя сумрачную комнатку.

Силд Дивнар по-хозяйски осмотрелся, скомандовал стоять смирно, и снова от его посоха поползли ручьи чёрного тумана. Я, затаив дыхание, ждала чуда – но снова нет.

– Ничего, – раздосадованно буркнул силд, и туман рассеялся. – Ты, конечно, по гостевым книгам-то посмотри, но вряд ли к ней кто-то приходил. Одинокая?

– Да, – подтвердила я. – Я вчера для Сажена искала адрес семьи Жалёны, но нашла лишь имена и адреса пары её подруг.

– Поняла, да? – он внимательно посмотрел на меня. – Это подклады. Что-то они – или упокойники, или тот, кто нам их подложил, – сделали на кладбищах, а мы просмотрели. Что-то мы, Рдянка, упустили. Проверь *всё*. И гляди в оба. А я сегодня же соберу сход старших смотрителей. Я не я буду, если то же самое не случилось несколько лет назад на других кладбищах, особенно на Восьмом и Седьмом. И наверняка приготовлено на остальных. Сажена я, извини, на время у тебя заберу. Проверим наличие тех же монет на других кладбищах. Не найдём – изучим склепы с нужными номерами

и всех одиноких упокойников, захороненных в наш период. Мои уже таких проверяют – все ли на месте. И заодно убирают в глубокие подземелья склепы с невестребованными.

«И нам так надо сделать», – свистнул Яр.

И давно, если честно. Очень давно.

– Можно я не пойду? – тут же попросилась я. – На сход? Дядь Див, у меня ещё и гостевые книги, и...

– ...ты терпеть не можешь наше стариновское брюзжание, – усмехнулся он. – Можно. Расскажу потом новости или с ищейцем передам. Пойдём.

Наверху силд Дивнар снова вонзил посох в землю и за пять минут уничтожил всё, что я убирала бы ползком ещё полдня. Я даже не сразу поверила, что свободна – от уборки я свободна на несколько дней! Сразу стало так легко, что голова заработала.

– Заодно с пробудившимися и испорченной водой у меня ещё кое-что случилось, – вспомнила я. – Знаки в святилище за ночь опустели на четверть. Я вот думаю, не могла ли та же вода потревожить «старичка»...

– ...и ты на всякий случай осушила все фонтаны? Правильно, – одобрил силд Дивнар. – Нет, у нас опустевшие знаки не припомню. Но с твоим предположением согласен. В момент порчи кто-то оказался на пороге пробуждения и проснулся. Не смог сразу крепко уснуть и потянул из знаков силу. Яр что сказал?

– Восемь подземных колец просвистел – там все спят.

– Острова, – силд глянул вдаль – туда, где за стеной находились мелкие островки и отдалённые древние склепы. – Мы с Черной проверим и свои, и ваши. Не лезь туда без большой нужды, договорились? Тем более не лезь одна. Заподозришь неладное – дай знать.

Я кивнула.

А силд Дивнар глянул на меня сверху вниз и улыбнулся:

– Больше поучать не буду. Дед всё необходимое тебе передал, иначе бы не ушёл, – он наклонился и снова поцеловал меня в макушку. – Гляди в оба, моя девочка. Ты права, что-то грядёт. Будь внимательна и зови нас. В любой час. Мы рядом. Кладбища у нас разные, да, но мы не просто соседи. Мы – семья. Не позволяй своей гордости затмить разум.

Я обняла его и тихо озвучила свои главные опасения:

– Не позволю. Дядь Див... Сажен предположил, что меня всё это может коснуться больше других. Вас, смотрителей и помощников, на других кладбищах много, а на Красном – я да Ярь. Что поэтому у вас дальше порчи воды не пошло, а у меня...

– Ещё ничего не понятно. И ещё ничего не случилось, – строго напомнил силд Дивнар. – Соображает твой ищеец хорошо, но давай сначала поговорим со старшими смотрителями, соберём сведения и понаблюдаем обстановку. Уговор?

Я снова кивнула и неохотно отстранилась.

Силд открыл «мост» и внезапно ругнулся:

– Рёдна, мать твоя, уж прости за прямоту, засранка рас-

последняя. Бросила тебя, знает, что бросила, знает, что её отец ушёл – наверняка знает! – а возвращаться не спешит. Ввалила на тебя кладбище – и делает вид, что так и надо. Что у неё дети и что-нибудь ещё. Вернётся – всё ей выскажу, даже если разругаемся навек.

Я насторожилась:

– Вернётся? Думаете?

– До своих кладбище докричится всегда, – силд Дивнар перехватил посох. – И ни расстояния, ни страхи, ни ненависть для него не преграда. А Рёдна не просто своя – она потомственная красная, кровная. Жди. Вернётся. Зов Красного сейчас слишком силён. Если я прав, то её возвращение сюда – дело времени. Очень короткого.

И, попрощавшись, он ушёл, оставив меня в смятении.

А если мама и правда вернётся?.. Не просто в гости заглянет, нет. Дядя Див сказал: «Вернётся». А у меня дома свинарник. И вообще...

Глава 6

После обеда я первым делом заглянула во все сундуки и шкафы. Походная сумка Мстишки временно уменьшала любые предметы до размера песчинки и вмещала полдома и пару мешков сушёных морских гадов. И «холодные», и «ледяные» сундуки, которые я творила каждую зиму, притягивая и закрепляя снег со льдом, и шкафы ломились от еды.

В общем, да, на случай гостей всего навалом.

Я убрала посуду, постучала посохом по столу и наговором вызвала гостевую книгу. Она, огромная, древняя и пыльная, сразу же плюхнулась на крышку стола, полностью заняв его собой, и услужливо открылась на последней странице. Я чихнула и быстро почистила её наговором.

Не так важно сейчас найти гостей силды Жалёны или подозрительных посетителей, как занять себя – и свою голову. Успокоиться. И, да, вообще.

Дядя Див, вот зачем вы это сказали?.. Ну приехала бы мама – я бы удивилась. А теперь думай, как её встречать и как с ней себя вести. Я всегда чувствовала, как она держит меня на расстоянии. Или она меня родила, чтобы родить очередного зрителя, а сама в детях в то время не нуждалась. Или просто я – такая, дедова и кладбищенская, – не была нужна. Или была, но она отчего-то боялась это показать.

Хотя – почему «отчего-то». Боялась, поди, застрять на

ненавистном кладбище на всю жизнь. И в этом я её понимала. Даже к любимому месту быть прикованной тяжело, а уж к нелюбимому да с такими отношениями с отцом...

Вот зачем, дядь Див?..

«Рдяна! – строго свистнул Ярь. – Успокойся и займись делом!»

Нет, не так. Займись делом и успокойся – дела меня всегда успокаивали. Привычная работа возвращала в привычное же русло жизни и унимала любые посторонние тревоги.

Ну приедет и приедет. Вот когда приедет – тогда и подумаем, как быть.

«Вот именно», – Ярь сел на гостевую книгу.

Я нашла на подоконнике нужные справочники.

Да, дело даже не в подозрительных гостях. Дело – в невостребованных покойниках. Если лет десять покойником никто не интересуется – не навещает, не пишет нам, – его склеп опускается кольцом ниже, ибо кладбище небезразмерное. Но мы учётом невостребованных занимались редко – дед так всех распугал, что лежать на Красном никто не хотел. У нас оставались или те, кого Красное само притянуло, или те, кому больше нигде не нашлось места. А раз свободного места много, зачем тратить время на невостребованных? Пусть спят где положили. Так рассуждал дед, которому, конечно, тоже вечно не хватало на всё времени и сил.

А если бы силду Жалёну давно опустили вниз, смогла бы она получить от неизвестного шутника монеты и испортить

воду? То-то же. На второе подземное кольцо и ниже родичам покойника спускаться запрещено. И, да, двадцать лет – это тот срок, когда пора убирать невостребованное вниз. Заодно можно составить список одиночек и потом опустить всех подозрительных под землю. И спится им там крепче, и мне будет спокойнее. Пойдут прахом – и через толщу земли вытяну нужное, не впервой.

Я освободила место на подоконнике и открыла два справочника: один – с перечнем покойников верхнего кольца, второй – чистый. Чистый перевернула и разделила широкий лист на три колонки – одинокие, невостребованные, и те и другие.

– С конца, Ярь. За последние пять лет. Животных тоже учитываем. И обычных мертвецов. Понемногу начнём уборку везде.

Конечно, хотелось сделать всё сразу. Подобно силду Дивнару вогнать посох в землю и за пять минут убрать обитель. Но меня хватает едва ли на пять склепов в сутки, поэтому я всё откладывала, откладывала... Пора делать по чуть-чуть. Да, по пять в сутки. Зато к зиме я разгребу хоть часть накопленного. А если повезёт и зимой земля не промёрзнет, то ещё уберу часть.

Не то однажды проснись, раздавленная накопленными делами, и вообще ничего не смогу сделать. Что со мной уже случилось в первый год одинокого смотрительства, и больше это переживать не хочется.

Ярь зачитывал номера склепов, а я отмечала в перечне востребованных. Память у помощника была лучше моей, поэтому он иногда молча перелистывал по три-четыре страницы подряд, если подписи гостей повторялись. И таким образом к ужину у меня образовался список из полутора тысяч склепов и могил, которые можно опускать под землю хоть сейчас, и ещё чуть больше тысячи – на карандаше. То бишь относительно свежие склепы одиночек и тех, кем интересовались, но почтой – письма с вежливым «Не пошёл ли прахом?» тоже хранились в гостевой книге и приравнивались к отсутствию интереса.

Силду Жалёну никто никогда не навещал. Однако она ухитрилась занять монеты для порчи, а потом исчезнуть. Конечно, всегда есть вариант дальнего кровного родственника – узнал в Управе или у подруг, где склеп, принёс подарок, а после забрал прах (внезапно). Да только я в такие внезапности не верила.

Я почти физически ощутила, как глыба дел попыталась на меня рухнуть, и с трудом увернулась. Убрала гостевую книгу, вытерла стол, села пить чай и попутно снова пролистала новый справочник. И простейший план выстроился сам собой.

Дядя Див, спасибо за мысль...

– Ярь, а если мы расставим на дверях склепов и тайников метки? – спросила я, посмотрев на помощника.

Он сидел на спинке стула и выглядел очень взъерошен-

ным и отчего-то виноватым. Словно он больше должен делать, чем делает сейчас.

«Какие?» – Ярь склонил голову набок.

– Не знаю, – я пожала плечами. – А вот ты должен знать. Хватит прикидываться птицей. Ты – древнейшее существо. Ты знаешь и умеешь больше, чем я по справочникам за всю жизнь научусь. Вспоминай. Наверняка оно есть – что-то вроде колокольчиков. Или есть, или можно создать, – я подумала и напредила: – Есть же у нас метки с наговорами для помощников и посетителей кладбища. Чтобы не воровали, не разоряли склепы и прочее. Всякий, кто проходит через ворота или калитку, *уже* получает метку – от Красного, – что за ним присматривают и гадости делать не позволяют. Большие – точно. Можно ли так же защитить склепы? Чтобы с гадостью туда даже кровного не впускали и обитателя не выпускали?

Ярь посмотрел на меня сочувственно:

«Можно-то можно, но, Рдян, ты представляешь, сколько это работы?»

– Наплевать, – решительно сказала я. – Хоть год будем возиться, хоть два, хоть десять. Зато больше ни одна скотина не испортит мне воду или что-нибудь ещё. Представляешь, друг, если бы порченная вода растревожила с десятков «старичков» – одновременно? А нас двое. И посох меня не слушается. Мы тот же год будем Красное в порядок приводить. А если «старики» в безумии на покойников набросятся? Такого беспорядка нам не простят. Управа спит и видит, как

бы кладбища к рукам прибрать – и сокровища из тайников прикарманить, и удобными местами начать торговать. Да мы не позволяем устанавливать здесь новые порядки. Пока. А если Управа получит доказательства того, что мы не справляемся... Нам позволяют здесь жить и работать, но управлять и распоряжаться имуществом кладбищ будут другие люди. И кладбищам придётся с этим смириться.

Ярь недовольно и свистяще засопел.

– Придётся, – повторила я тихо. – Им нужны сильные чудесники. И в конце концов они примут любого. И дядя Див тому примером. Он отлично управляется с посохом, в котором нет ни крупинки праха его предков, ни капли его крови. Если кладбищам не оставят выбора... Понимаешь?

И я могу сколько угодно убеждать Сажена, что не в Управе дело. Дед утверждал, что Управа никогда не рискнёт пойти против нас. А я, пообщавшись с управскими, поняла: пойти – нет, не пойдут, но вот подкопы рыть будут. Всегда. Почему иначе на Красном все отказываются работать?

Ярь взъерошился и глянул остро:

«Думаешь, правы наши ищейцы? Под тебя копают? Потому что Красное с нами – слабое место в цепочке из восьми кладбищ? Начнут с нас, отработают схему...»

– Понятия не имею, – я передёрнула плечами. – Возможно. Или нет – или это самый простой вывод. Не об этом думай. Наговоры. Защитные наговоры с метками на зло – для кладбища, для покойника, для нас. На любое зло, на любое

дурное... хотя бы намерение. Хотя бы. Внезапные порывы тоже бывают опасными, но, думается, не настолько, как спланированное зло. А монеты с порчей и пропавшая упокойница – это именно спланированное зло. Думай. Вспоминай.

«Поужинай пока», – коротко велел Ярь и исчез в алой вспышке.

Есть не хотелось, но если помощник вернётся с полезным наговором, то я наверняка останусь без ужина. Просто-напросто про него забуду.

Дневная защита Красного кладбища, мягко говоря, так себе. Вот ночная – да: ни комар не пролетит, ни мышь не проскочит. Даже не всякий сосед-смотритель прорвётся. У склепов – неплохая: чужак не войдёт, даже родная жена к мужу может спуститься лишь в нашем обществе и ненадолго. А дневная... Лишь бы ушлый племянник тётку-покойницу не обнёс, пока она спит, лишь бы всякий смертоносный наговор растерял силу. И лишь бы святилище спрятать от посетителей за туманами и перепутанными тропами.

В те времена, видимо, и зло было крайне простым и прямым в намерениях – убить и (или) украсть. Но с годами оно усовершенствовалось и стало изощрённым – сломать скамейку или испортить воду, залить скользким зельем тропы или разбросать дохлых крыс... Смотрители никогда с этим не боролись, и зря – ой, зря.

Мелкое зло – оно как пунцовая плесень в моей ванной. Если не чистить каждые два-три дня, не накладывать допол-

нительные наговоры и не опрыскивать стены зельями, расползается от потолка до пола, заполняет собой каждую щель – и подтачивает защиту изнутри. И защита всё чаще пропускает внутрь тех, кто приходит на кладбище с очевидным намерением нагадить, а потом открыто гадит в священном месте. Или же – позволяет человеку вынести то, что ему не принадлежит. Как Сажень недавно преспокойно вынес доразломные монеты.

«Делу препятствовать нельзя. Ищеец и в склеп при нужде пролезет, и без твоего ведома тайники обчистит, если надо, и с кладбища найденное вынесет, – возразил Яр, зависнув над столом. – А скамейки и крысы... Несерьёзно же».

– Было, – я положила ложку и протянула руку, ловя свёрнутый трубкой лист. – Пока предположительно вода не разбудила «старичка». Что это?

«Тебе по силам», – помощник привычно угнездился на спинке стула.

Я развернула лист и быстро прочитала текст.

– Яр, это всё та же защита дома! – возмутилась я. – Я рехнусь такую на каждый склеп ставить!

«А ты чего хотела? – помощник насмешливо прищурился. – Шепнула два слова, размазала по двери комочек земли – и готово? Нет таких. И не будет. Начало начал, Рдяна, вспоминай: чем больше слов и сложнее их вязь, тем сильнее защита. И это не та, что на нашем доме стоит. Это посильнее. Если бы мы такое на дом поставили, а ты малая в нём спряталась,

то дед, имея намерение отшлёпать тебя за проказы, даже на порог бы ступить не смог. А ты, имея намерение коварно пересолить деду суп, не смогла бы выйти из своей комнаты».

Я весело фыркнула, свернула лист, доела суп и предложила:

– А если его на участок наложить? Связать ближайшие склепы метками, протянуть между ними меточные стены – и на них наложить наговор?

«Хорошо, – одобрил Ярь. – Но, как ты помнишь, чем больше места – тем тоньше защита. Наговор рассчитан на наш дом. Значит, участки нарезаем такие же».

Я прикинула размеры предполагаемых участков. Получалось, можно объединить три-четыре склепа под одной «крышей». А главное, не нужна сила посоха. Наговор – это разговор с землёй, просьба откликнуться и защитить. Хоть круглосуточно работай, пока не охрипнешь и не свалишься.

– За дело, – я встала, пересилила себя и сразу же вымыла посуду.

А вдруг мама. Или ещё кто-нибудь. Ну и суп остался. Да, мой, но он вполне съедобный, особенно если гость голодный. Очень голодный.

Одевшись и вооружившись посохом, я вышла из дома и отправилась в обитель беспокойников. Конечно, по-хорошему начинать надо не с них, но к упокойникам идти поздно – Красное уже закуталось в багряную туманную дымку от корней деревьев до скамеек. Вот-вот стемнеет. И уж лучше

я сейчас потрачу силу на ещё одно погружение склепа, чем на «мост».

Два погружения утром – два вечером, и как раз останется немного силы на всякий случай, будь то беспризорный покойник или Сажен со своим очередным «деревом».

Когда он уже с новостями придёт? Хоть бы записку написал! Ну жуть же как интересно, раскопал ли ищеец что-нибудь... Да хоть что-нибудь!

«Сосредоточься, – Ярь невесомо опустил на моё плечо. – Позже в облаках витать будешь».

– Да улетишь от вас... – уныло отозвалась я, петляя по узкой тропе среди шуршащих деревьев. – Помечтать и то не даёте.

Ярь насмешливо свистнул:

«Вы, люди, вечно всем недовольные. Работы много – помечтать некогда. Нет работы зимой – хоть замечтайся, а ты на стенку от безделья лезешь. Дело не во времени или его отсутствии, а в натуре твоей беспокойной. И в голове дурной».

– Грешна, – я выразительно шмыгнула носом и добавила: – Сам такой.

Помощник засвиристел-засмеялся:

«Да, порода. Кровь. Дух. Все такие».

Выбравшись к первым ракушкам, расположенным вокруг фонтана, я проверила номера склепов, достала новый справочник и пробежалась по спискам. Так, здесь погружать нечего, то есть только защита.

– Ярь, а тебе не пора ли на облёт?

Темнело стремительно и неумолимо. Осень.

«Нет, – свистнул Ярь. – Сначала за тобой понаблюдаю. Ты такую защиту никогда не ставила. И даже не пробовала».

– Пробовала, – возразила я, устроив посох и справочник на широком бортике фонтана, и притянула первую щепотку земли для метки. – Когда мне лет десять было. Когда я длинные наговоры отрабатывала.

«И?» – заинтересовался помощник.

– Сундук, на котором я тренировалась, дед смог взломать только через седмицу, – я улыбнулась. – Жутко ругался – оказывается, там хранились важные документы. Запретил мне после этого в кабинет заходить. А я же не знала, что там, в этом сундуке. Мне велели – я и отрабатывала.

«Если тогда твоих сил хватило на седмицу, то сейчас должно хватить на год точно, – довольно свистнул Ярь. – И если мелкой смогла, сейчас и подавно сможешь. Но я с твоего позволения посмотрю».

– Разметь тогда нужный участок, – я хмуро глянула на склепы, озарённые красным огнём факелов и плюща. – Темновато.

Да и глазомер у меня так себе.

«А ты говоришь, на облёт давай», – усмехнулся помощник и вспорхнул с моего плеча.

Пока я творила метки, Ярь замелькал красным всполохом между склепами, расчерчивая тьму искристыми полосами.

И разметил он не один участок, а сразу два – по одну сторону от фонтана и по другую, в каждом – по четыре склепа.

«Понятно?» – свистнул помощник.

Я кивнула и наговором раскидала метки по «углам» воображаемого дома и вдоль стен. Потом создала ещё одну, побольше, размазала её по бортику фонтана и скороговоркой выдохнула наговор. Вокруг склепов взметнулись высокие пыльные стены, зависли на мгновение и мягко осели на землю. И воздух внутри защиты слабо зарябил.

«Молодец! – похвалил Ярь. – С первого раза смогла!»

– Со второго, – поправила я, начиная делать метки для следующего участка. – Сундук тоже в зачёт, это даже дед признал. Разметь, будь другом, остальное. Хотя бы участков пять. Чтобы всё сделать наверняка. Ярь, и давай заодно проверим каждый склеп. Чтобы все покойники были на месте.

«Здесь все наши ребята на своих местах, – уверенно сообщил помощник. – Дальше – да, обязательно просвищу каждый. Сам об этом думаю со вчерашнего вечера».

И он скрылся за деревьями. Где снова зашелестели, опадая, листья. Замелькали, разгораясь, огоньки силы. Заколыхался, поднимаясь и расплываясь, туман. А с низкого грязно-серого неба мелко закапало. Что меня, конечно же, не остановило.

Как и огромный объём задуманной работы.

Я накинула на голову капюшон куртки, засучила рукава и продолжила творить. Метки. Наговоры. Заодно убрать но-

вую листву. Следующий участок. Метки. Наговоры. Глотнуть горячего чаю. Метки. Наговоры. Листва. Чай. Метки. Наговоры. Листва. Попутный склеп – под землю. Метки. Наговоры. Листва.

«Рдяна, скоро полночь, – напомнил Ярь. – В постель!»

Я очнулась от работы, нашла взглядом фонтан и удовлетворённо улыбнулась. Почти половину обители заговорить успела – она меньше, чем у упокойников или животных. Три попутных невостребованных склепа из списка рискнула убрать под землю. И всё-таки – всё-таки! – надо рисковать и каждый раз делать чуть больше прежнего. Иначе к посоху, этой твари чудотворной, не привыкнуть.

– Пойду проверю святилище – и спать, – согласилась я устало, закидывая на плечо посох. – Беспризорных нет?

«Нет, – свистнул Ярь. – Закрываемся?»

– Закрывайся.

– Погоди! – прозвучало из-за деревьев весёлое.

– Саж! – я чуть не споткнулась от неожиданности. – Откуда ты тут?!

– Силд Дивнар любезно отправил «мостом» прямиком к тебе, – Сажен вынырнул из-под низких ветвей и прямо спросил: – Рдян, есть пожрать? У меня то свежие следы, то поиски, то сходы, и хоть бы одна сволочь чаю предложила. Просто чаю.

Я поболтала флягу – тёплая, наполовину полная, – и протянула её ищейцу:

– Держи для начала.

Сажен приник к фляге и моментально выдул весь чай.

– Спасибо... – выдохнул он.

– Пошли, накормлю, – я первой устремилась к дому.

И язык чесался расспросить о поисках и сходе, но ищеец выглядел очень уставшим – и очень голодным. Даже на Яря с нездоровым интересом посмотрел, хотя прекрасно знал, что птица (и дичь) из моего помощника примерно такая же, как из меня – старший смотритель. Я похлопала по карманам куртки, нашла мешочек с сушёными гадами, повернулась и отдала его Сажену. Тот немедленно смолотил «сушёнку» и слегка взбодрился.

«Домой зовём?» – свистнул Ярь.

Вопрос вопросов... Я ещё ни разу не приглашала Сажена в дом. Ищеец же. А вдруг очередной его след на наши тайники укажет? С запретом он застрянет в той комнате, в которую проник, и дальше не пройдёт. Даже от того сундука (или шкафа), ради которого вломился в дом, отойти не сможет (проверено Чёрным кладбищем). А без запрета... Дом открыт – броди, изучай...

А вот и он, кстати, – сияет красной, обвитой плющом звездой.

– Рдян, не парься насчёт меня, – Сажен словно мои мысли читал. – Не пригласишь – не обижусь. Мне силд Дивнар в прошлый раз очень доходчиво всё объяснил. Просто дай пожрать, хоть на крыльце, я не гордый.

– Вот как ты это делаешь? – я повернулась к ищейцу. – Как понимаешь, о чём я думаю?

– Это несложно, – он поравнялся со мной и улыбнулся. – Во-первых, ты очень открытый человек, у тебя всё на лице написано. А во-вторых, намерения. Без следов и поисков они тоже считаются довольно просто. Хотя если бы не тайники Чёрного кладбища, сути я бы не понял. Подумал бы, что ты чего-нибудь стесняешься.

А я убралась накануне. Даже Мстишка оценила. Стесняться нечего.

– Слева за домом есть летняя беседка, – указала я. – Подожди там. Дождь же. Ярь, прогрей беседку. Саж, иди за ним.

Помощник медленно, чтобы ищейка успевал, полетел к деревьям, среди которых и пряталась очередная ракушка – глубокая и полая, со столом, лавками и очагом. И конечно, с плющом занавесью. А я забежала домой и, чтобы долго не возиться, сунула в уменьшательную сумку котелок с супом, чайник, ложки, чашки, хлеб, печенье и на всякий случай «сушёнку». Потом вспомнила голодный ищейский вид и накидала сыра, хлеба, зелени и ещё «сушёнки».

Так, надо не забыть знаки в святилище проверить... Сажу придется открывать «мост» до северных ворот – и тогда обратно «мостом» сразу в «гнездо». Сил должно хватить – я весь день посохом не пользовалась, только вечером немного.

Беседку к моему приходу привели в порядок всю – ни пылинки, ни соринки, ни листочка. Сухо, тепло и светло – в

очаге плясали стайки огоньков, а под потолком парил сияющий Ярь. По крыше мягко стучал дождь, и Сажень, убаюкиваемый, откровенно зевал в кулак – вот-вот уронит взъерошенную голову на стол и заснёт.

Я отодвинула плющевый занавес и начала выгружать на стол еду, попутно прогревая её наговорами. Ищеец учуял ужин и моментально проснулся. Вооружился ложкой, взял котелок и безо всяких тарелок и приличий выхлебал суп в считанные минуты. Даже по дну опустевшего котелка поскрёб.

Говорю же, очень голодный всё съест.

Ярь весело засвиристел и отправился на облёт, а я разлила по чашкам чай, пододвинула к себе мешочек с «сушёнкой» и села напротив ищейца, который никак не мог наесться.

– Откуда ты такой? – спросила я сочувственно.

– Мы же не от земли питаемся, как вы, местные, – пояснил Сажень. – Ищейские чудеса – это сила амулета плюс сила человека. Когда вы ходите «мостами», то ничего не тратите – ни силы, ни времени, а мы тратим силу. Так, как если бы на своих двоих бегали. И срезанным путём мы ходим так же. Времени тратим меньше, а сил – столько же. Поэтому тебе и приходится иногда откуда-нибудь меня забирать. Даже на почту сил не хватает. И когда работы много, мы зверски голодные. Спасибо.

– Ещё? – я посмотрела на стремительно исчезающее печенье. – Дома ещё есть.

Ищеец стянул из корзинки кручёную соломинку и смутился:

– Да нет, Рдян, хватит. Это я так... по привычке, – он встряхнулся и посмотрел на меня серьёзно: – О смерти Жалёны никто не знает. Её родни на Сонных островах нет. Когда я читал следы, кровных почти не ощущал. Если где-то кто-то есть, то очень дальний – и далеко от нас. Здесь только друзья и их дети-внуки. Ещё есть вариант близнеца, воспитанного в храме Небытия, но этих ребят не отследить. Они с изменённой кровью, со всех сторон защищённые и неприкасаемые. Перед смертью Жалёна со всеми разругалась, а своё имущество завещала Нижгороду. Та самая дочь подруги считала себя обязанной забрать прах, но не сильно-то этого хотела. Обиделась люто. Я осторожно узнавал, не переживай. В Управу не доложат.

Сажень вытянул из кармана расстёгнутого плаща кривой кувшинчик:

– Это её прах, и кувшин она тоже сделала сама. Нашёл на южном побережье, за Нижгородом. В море. С утяжеляющим наговором. Через седмицу бы уже не достали – прах ушёл бы слишком глубоко в землю. Повезло. И это точно она, хочешь – верь, хочешь – нет. Но на всякий случай, Рдян, не сообщай пока в Управу. Шорох поднимется – у Жалёны пара хороших домов, пара мастерских и лавок. Найдут завещание, начнётся опись, и это вспугнёт нашего шутника.

Я кивнула, остро ощущая своё – от кувшина тянуло све-

жим тленом Красного кладбища. Она или не она, но прах точно отсюда. Покойник пошёл прахом на Красном кладбище. Я взяла кувшин, перевернула и убедилась: да, метка кладбища на месте, на доньшке – тонкая красная полоса, видимая лишь нам.

– В таком виде, уже прахом, Жалёну отсюда и унесли, – я поставила кувшин на стол. – Праху месяца два-три, край – полгода. Здесь она пошла прахом и упокоилась в собственноручно сделанном кувшине, который кто-то унёс с кладбища и бросил в море. Заметая следы? Чтобы никто не понял, что порчу использовала не сидда Жалёна, а некто, входящий в её склеп?

– И хорошо следы замёл, сволочь, – Сажен помрачнел. – Покойника использовал. Покойник пришёл, забрал и бросил в море. Это единственное объяснение тому, почему мы не чуем следы чужих рук. Вообще. Кто может использовать покойника, Рдян?

– Никто, – я нахмурилась. – Человека – никто. Покойника сразу помечает и притягивает кладбище – либо то, которое он выбрал загодя, либо произвольное. А вот звери... – я вспомнила недавний разговор с Зорданом. – Звери-помощники – другое дело. Если зверь при человеке долго, если набрался от него дополнительных сил, то и мёртвым он останется при хозяине. Верность и хозяйская сила будут сильнее зова кладбища. Такого зверя даже пометить невозможно – ни заранее, ни вообще. Полагаю, что и через защиту кладби-

ща зверь проскочит, особенно через простую дневную. Людей же здесь держат метки. И следов мёртвые звери не оставляют. И ты как опытный ищеец об этом знаешь.

– Знаю, – безрадостно отозвался Сажень. – Но вдруг ты знаешь больше... А зверь может открыть склеп?

Я покачала головой:

– Нет. Склеп может открыть либо покойник – и только свой, либо кровный родственник, либо смотритель. Но я, как ты понимаешь, склеп силды Жалёны не открывала. Какие ещё новости?

– Вероятно, порча – всё-таки дело рук Жалёны, – ищеец взял из корзинки последнее печенье. – И монеты принадлежали ей – она брала их в руки много раз, и при жизни тоже. На них много следов, и все оставил один и тот же человек. И почерк наговоров на монетах – как у Жалёны, мы сравнили с её старыми работами. Практически один в один.

Я догрызла «сушёнку» и озвучила очевидное:

– Шутник очень хорошо знает ищейство, Сажень. Со всех сторон прикрыл себя покойниками. Это давний план – очень давний и продуманный. И с Жалёной шутник уговорился ещё при её жизни, да? Что на остальных кладбищах?

– С Первого по Четвёртое всё тихо, подозрительные склепы сейчас под надзором, но в их тайниках ничего с порчей нет. И на Восьмом, и на Седьмом порчи с водой были, но монет уже не найти, – ищеец глотнул чаю. – Промежуток между порчами один и тот же – около двух лет. Склепы с известны-

ми тебе номерами подчищены по всем правилам – одинокие упокойники сами пошли прахом, их захоронили, а склепы с тайниками скрыли. Теперь до них не добратся, пока земля сама не отдаст своё. И только на Шестом кладбище и у тебя что-то не сложилось – упокойники не пошли прахом, и их пришлось изымать тайком. Почему, кстати?

– Силы много было, – пояснила я. – Очень много. Покойники же идут прахом, когда сила вытянута до капли. На Седьмом и Восьмом они всё отдали, у нас – нет. И, чтобы не разболтали, от них избавились иным путём – через свежий или неупокоенный прах мы можем призвать из Небытия дух и допросить его. Надеюсь, видимо, что смотрители уберут пустые склепы невостребованных покойников под землю, да и всё на том. Они же под двадцать лет спали – и у меня, и на Шестом. Это тот срок, когда пора убирать склеп, да нам часто некогда. И большинство упокойников – ребята тихие, спят много и прахом идут быстро. В их обители свободного места всегда хватает. Вот мы и не убираем невостребованных до последнего.

– И кто-то об этом знает, – подытожил Сажень. – Так же, как об ищейской работе. И кто-то имеет доступ в склепы.

– Помощников через кладбища проходит много, – я поджала губы. – Видел, сколько их на том же Чёрном – просто помощников, непосвящённых? Под пятьдесят. Листву со снегом убирать, в обителях дежурить на случай родственников днём и беспризорных покойников ночью. И не вся-

кий помощник дорастает хотя бы до младшего смотрителя. Некоторые покрутятся год-другой и увольняются. Но за это время они многое успевают узнать. Всех не проверишь.

– У помощников есть рабочие посохи из кладбищенской земли, но нет права открывать склепы, так? – уточнил ищущий.

– Да. Только посвящённый хотя бы в младшие смотрители человек получает право работать со склепами, – кивнула я. – И сами склепы открывать, и проходы-тайники, ведущие на подземные кольца и в соседние склепы. Младшие смотрители тоже порой увольняются, как и средние, но не все сдают посохи. Если смотритель уходит без скандалов и с хорошим послужным списком, запрет на создание посоха не накладывается. А посох – ключ ко всему. Без него бывший смотритель и через ночную защиту кладбища не пройдёт, и не сможет открыть склеп. Всех, Саж, не проверишь. Но могу посмотреть списки наших бывших работников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.